

Ирэн Весёлая

Бал уродов

Бал уродов

Тень срывает маски.

Ирэн Весёлая

Ирэн Весёлая

Бал уродов. Тень срывает маски.

<https://litres.ru/74469197>

Аннотация

— Моя жена? Она как старые тапочки, Василиса. Удобная, мягкая и... стоптанная. Она верит в каждое мое слово, лишь бы я был рядом, —раздался сквозь уродливую маску ленивый смех мужа,который резал слух острее скальпеля. — И ты не боишься, что она узнает? — начальница Степана, прижимаясь к его костюму Палача, вызываяще улыбнулась. — Она? У этой домашней наседки не хватит мозгов даже на подозрения. Наслаждайся вечером, здесь все в масках. Мы — короли этого бала.

«Бал уродов». Ироничное название для корпоратива, на котором я должна была гордиться успехом мужа. Но я стояла в шаге от них в костюме безликой Тени, и мое сердце превращалось в ледяную крошку.

Я не стала устраивать истерику. Я не стала плакать. Я просто вышла в центр зала и одним рывком сорвала с них маски. При всех. Под прицелами сотен камер и изумленных взглядов коллег.

— Ошибаешься, Степа. Я не тапочки. Я — та, кто подает на развод прямо сейчас.

Уходя с бала, я оставила за спиной десять лет жизни, статус «счастливой жены» и финансовое благополучие. У меня на руках пятилетний сын и диплом, который пылился в столе пять лет. Степан уверен, что я приползу назад. Но он сильно ошибается. Я не сдамся.. И когда судьба приводит меня в дом сурового, закрытого вдовца, я еще не знаю, что настоящая жизнь начинается только после того, как все маски сброшены.

В книге вас ждут: ✓ Громкое и красивое расставание: изменник получит по заслугам! ✓ Героиня, которая не оборачивается назад. ✓ Сложный путь к успеху: от «домохозяйки» до профессионала. ✓ Угрюмый вдовец, который не верит женщинам, и его «трудная» дочь. ✓ Противостояние характеров и исцеляющая любовь. ✓ Счастливый финал (Хэппи Энд)!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	59
Глава 7	75
Глава 8	91
Глава 9	106
Глава 10	115
Глава 11	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Глава 1

Тяжелый влажный пар из сопла отпаривателя с шипением ударил в черную кожу, и по комнате поплыл густой, тревожный запах дубленого зверя. Я провела щеткой по широкому плечу куртки, выправляя залом. Это был не просто карнавальный костюм. Это была броня, которую мой муж выбрал для своего триумфа.

На вешалке, вцепившись стальными плечиками в перекладину, висел Палач. Глухой кожаный капюшон с узкими прорезями для глаз смотрел на меня пусто и зло. Степан готовился к «Балу уродов» — ежегодному корпоративному безумию в честь Хеллоуина — так, словно от этого зависела его жизнь. Впрочем, от этого зависело его повышение до креативного директора, что в системе координат моего мужа было величиной равнозначной.

На дворе стоял конец октября. За окном нашей «стерильной» новостройки серый питерский дождь вперемешку со снегом методично уничтожал остатки золотой осени. Ветер завывал в вентиляции, напоминая, что сегодня — ночь, когда маски становятся важнее лиц.

— Нат, ты скоро там? Я опаздываю! — Голос Степана из ванной долетел до меня вместе с запахом дорогого мужского парфюма — терпкого, с нотами сандала и чего-то металлического.

Я пригладила последнюю складку на массивном кожаном поясе. Десять лет я вот так что-то выглаживала, подкрашивала и доводила до блеска в его жизни. Мой собственный диплом логопеда-педагога за это время успел покрыться пылью в нижнем ящике комода, зато карьера Степана сияла, как свежееотполированный кузов его «немца».

Степан вышел из ванной, на ходу застегивая манжеты белоснежной рубашки. В свои тридцать четыре он выглядел чертовски породисто: поджарый, с короткой бородкой и взглядом человека, который точно знает, сколько стоит каждая минута его времени.

— Идеально, — бросил он, не глядя на меня. — Василиса сказала, что сегодня дресс-код будет проверять лично владелец холдинга. Палач — это то, что нужно. Сила и право на приговор.

Он коснулся моей щеки сухими пальцами.

— Птичка, ты чего такая бледная? — Степан наконец соизволил перевести взгляд на меня. Он коснулся моей щеки сухими, холодными пальцами. — Опять ночью не спала, за Тихоном следила?

— Он немного хрипит, Степ. Мне кажется, начинается ларингит. И... он снова начал запинаться на слове «папа».

Степан поморщился, словно у него внезапно заныл зуб.

— Не начинай снова свои логопедические штучки. Ребенок просто переволновался. Не ищи диагнозы там, где их нет. И вообще, сегодня важный вечер. Мне нужно, чтобы ты

была в тонусе. Туфли из чистки забрала?

— Забрала. И парфюм, который ты просил, купила. «Черный афганец».

— Умница, — он коротко мазнул губами по моему лбу. — Вечером заскочу переодеться. Будь готова, поможешь затянуть шнуровку на спине. Без тебя я в этот скафандр не влезу.

Я проводила его взглядом до двери. Входная дверь лягнула замком, и в квартире воцарилась та особая, звенящая тишина, которая бывает только в домах, где один человек живет ради комфорта другого.

— М-мама? — Из детской высунулась вихрастая голова пятилетнего Тихона. Сын тер глаза кулачками, и я сразу заметила, как тяжело он дышит.

— Доброе утро, котенок. Иди ко мне.

Тихон подошел, но замер в трех шагах от вешалки. Его маленькое личико исказилось от испуга.

— Э-это к-кто? — Он указал пальчиком на маску Палача.

— Это просто папин костюм на праздник, малыш. Помнишь, мы читали про рыцарей? Это почти то же самое, только... современное.

— Он с-страшный. П-папа станет с-страшным?

Я прижала сына к себе, вдыхая его родной запах — детского мыла и теплого сна. Его запинка стала сильнее. Степан не хотел этого замечать, но я, как профессионал, видела: Тихон транслирует наше семейное напряжение через свою речь. Дети — самые точные барометры.

— Папа просто наденет маску, Тиша. Это игра.

Но сама я, глядя в пустые глазницы кожаного капюшона, чувствовала, что игра затянулась.

Весь день прошел в привычной суете, которая раньше казалась мне смыслом жизни. Садик, где воспитательница подтвердила мои опасения: «Наталья Сергеевна, Тихон сегодня почти не участвовал в играх, сидел в углу. Вы бы его дома поддержали». Магазин, где я выбирала продукты для идеального ужина, который Степан, скорее всего, даже не попробует перед банкетом.

Вернувшись домой, я начала разбирать покупки и поняла, что Степан забыл свой рабочий пропуск. Без него он не попадет на подземную парковку офисного центра, а значит — потеряет драгоценное время и испортит себе настроение перед корпоративом.

Я зашла в нашу гардеробную — царство идеального порядка, где его вещи висели по цветам, а мои сиротливо жались в углу. Ища пропуск в карманах его утреннего пиджака, я случайно задела рукой коробку с его старыми часами и какими-то мелочами, которые он обещал выбросить еще год назад.

Коробка сдвинулась, и я увидела его. Телефон.

Это был старый «Айфон», модель трехлетней давности. Степан говорил, что он разбился и он сдал его в утиль. Но гаджет лежал здесь, под стопкой его шелковых платков, и — что самое странное — он был включен.

В тишине гардеробной раздался короткий, зудящий звук. Вибрация.

Экран вспыхнул, освещая полумрак полки. Я замерла, боясь дыхнуть. Сердце заколотилось где-то в горле, мешая глотать. Уведомление из Телеграма. Имени отправителя не было, только скрытый номер.

«Твой топор уже наточен? Жду не дождусь увидеть тебя в деле, мой Палач. Сегодня мы сорвем все маски...»

Я смотрела на эти буквы, пока экран не погас, оставив после себя зеленые круги в глазах. «Мой Палач». Это не могло быть шуткой коллег. Слишком интимно. Слишком... похотейски.

Я медленно опустилась на пуф для переобувания. В голове зашумело. Десять лет я строила этот замок из песка, полировала каждую песчинку, убеждая себя, что его холодность — это усталость, его раздражение — это стресс, а отсутствие секса — это «кризис десяти лет».

Нина, моя единственная подруга, которая еще не окончательно исчезла из моей жизни, твердила мне об этом последние полгода.

— Наташ, он у тебя слишком гладкий, — говорила она, помешивая остывший раф в нашем редком «женском» выходе. — Мужчины в его возрасте либо начинают бегать марафоны, либо заводят молодых любовниц. Твой марафоны не бегают. Открой глаза, он же пахнет чужими духами через день!

Я тогда смеялась ей в лицо. Говорила, что у нас доверие. Что Степан — однолюб. Что у него на первом месте работа.

Оказалось, на первом месте у него действительно работа. Но, кажется, должностные обязанности креативного директора включали в себя не только разработку слоганов.

Дрожащими пальцами я потянулась к телефону. Он был защищен паролем. Я попробовала дату рождения Тихона — мимо. Нашу дату свадьбы — мимо. Свою дату... смешно, конечно, нет.

В этот момент зазвонил мой собственный телефон, оставленный на кухне. От неожиданности я подпрыгнула, едва не выронив «утиль» мужа.

На экране светилось имя: «Нина».

— Да, Нин, — я постаралась, чтобы голос не дрожал, но вышло жалко.

— Наташка, ты только не падай, — голос подруги был быстрым и тревожным. — Я сейчас в торговом центре, зашла в «Золотое яблоко». И видела там твоего Степу.

— И что? Он покупал парфюм для вечера, он говорил мне...

— Наташ, парфюм он купил за пять минут. А потом еще сорок минут выбирал кольцо в «Тиффани». С очень высокой, очень эффектной брюнеткой. Она висла у него на плече, а он... он смеялся, Наташ. Я его таким веселым сто лет не видела.

Я прислонилась лбом к холодному зеркалу гардеробной.

— Может, это клиентка? Или партнер по бизнесу?

— Клиенток не целуют в шею прямо у кассы, дорогая. В общем, слушай. Твой Степан сегодня на этом «Балу уродов» будет не просто Палачом. У него там намечается бенефис. Я достала тебе приглашение.

— Откуда? — тупо переспросила я.

— Неважно. Мой Вадик там в охране подрабатывает, он проведет. Наташа, ты должна это увидеть сама. Иначе ты так и будешь до конца жизни отпаривать ему костюмы и ждать, пока он соизволит обратить на тебя внимание.

Я посмотрела на свои руки. На безымянном пальце тускло блестело золото — классика, которую он выбрал сам. Я никогда не любила это кольцо, оно мне немного жало, но я носила его, потому что «так принято».

— Ты уверена, что это была не ошибка? — последняя попытка утопающего схватиться за соломинку.

— Наташ, я сделала фото. Скидываю в мессенджер. Посмотри и реши — ты Тень или ты женщина.

Смартфон пискнул. Я открыла сообщение. Фото было слегка размытым, сделанным издалека. Но я узнала бы этот затылок и этот разворот плеч из тысячи. Степан улыбался — так, как не улыбался мне уже лет пять. Рядом с ним стояла женщина в ярко-красном деловом костюме. Василиса. Его начальница. Та самая «железная леди» рекламы, о которой он говорил с таким подчеркнутым уважением и даже опаской.

Оказалось, опасаться стоило мне.

— Нин, — я сглотнула комок в горле. — У них там вход строго в костюмах?

— Обязательно. Маскарад, полная анонимность до полуночи. Это их фишка.

— У меня нет костюма.

— Будет. Я знаю один прокат, где можно взять что-то... закрытое. Тебя никто не узнает, Наташа. Даже собственный муж.

Я повесила трубку и вернулась в комнату. Костюм Палача всё так же висел на вешалке. Теперь он казался мне еще более мерзким.

Я подошла к шкафу и достала свою старую рабочую сумку. Внутри лежали логопедические зонды в стерильных чехлах, наборы карточек, зеркальце для постановки звуков. Пять лет я убеждала себя, что мой главный проект — это семья. Что успех Степана — это мой успех.

Я взяла в руки одну из карточек. Буква «Р». Рычание. Звук, который требует напряжения всех мышц, воли и дыхания.

Я попыталась зарычать, но из горла вырвался лишь жалкий хрип.

Ничего. Сегодня вечером я найду свой голос.

Степан вернулся домой в пять. Он был взвинчен, постоянно смотрел на часы и дергался от каждого звука.

— Помоги со шнуровкой, — бросил он, скидывая рубаш-

ку. — Тихон где?

— У мамы. Я отвезла его, ему лучше на свежем воздухе.

— Правильно, — одобрил он, влезая в кожаные штаны.

Я подошла к нему сзади. Мои руки дрожали, когда я продевала шнур в люверсы на кожаной спинке. Я видела его крепкие мышцы, татуировку на лопатке — наши инициалы, переплетенные в сложный узел. Какая горькая ирония.

— Туго не затягивай, мне еще топором махать, — хохотнул он, надевая маску.

Когда он полностью преобразился, передо мной стоял чужой человек. Мощный, пугающий, безликий. Только глаза в прорезях блестели лихорадочным блеском.

— Ну, как я тебе? — его голос из-под кожи зазвучал глухо и властно.

— Ты выглядишь... убедительно, Степ. Настоящий хозяин положения.

— То-то же. Всё, я погнал. Буду поздно, не жди. Скорее всего, поедем в ресторан праздновать мое назначение.

Он подхватил тяжелый бутафорский топор и вышел, даже не обернувшись.

Я постояла в пустой прихожей, глядя на свое отражение в зеркале. Бледная женщина с пучком на затылке. Серая моль в дорогом интерьере.

— Ну уж нет, — прошептала я. — Сегодня на этом балу будет на одного урода больше.

Я достала телефон и набрала номер Нины.

— Вези костюм. Я готова.

Через час Нина уже сидела у меня на кухне с чашкой кофе и смотрела на то как я внимательно смотрю на фото в смартфоне, которое она мне переслала.

Нина выглядела как обычно — безупречная укладка, хищный разрез глаз и помада цвета спелой вишни. Моя подруга-бухгалтер всегда умела сводить дебет с кредитом не только в отчетах, но и в жизни.

— Не смотри на это фото, Наташ. Ты там ничего нового не вымотришь, кроме того, что твой муж — первосортный кобель.

— Он сказал, что это безвкусица, — прошептала я, указывая на ключик на шее Василисы. — Сказал, что мне это не пойдет.

Нина со стуком поставила на стол чашку.

— Конечно, не пойдет. Потому что под этот ключик нужно выгибать спину и смеяться над его тупыми шутками, а ты вместо этого проверяешь, выпил ли он витамины и не забыл ли записать Тихона к стоматологу. Ты слишком долго была его «базой», дорогая. А мужчины вроде твоего Степы на базе только заправляются, а гонять предпочитают по треку.

Я закрыла глаза, пытаюсь справиться с подступившей тошнотой.

— Нина, у нас Тихон... У нас десять лет жизни. Он сегодня утром целовал меня. Просил помочь со шнуровкой на этом чертовом костюме Палача.

— Вот именно, — Нина подалась вперед, и её голос стал жестким, как наждачная бумага. — Он Палач. И он сегодня идет на казнь твоей веры в него. Наташа, очнись! Ты логопед. Ты по звукам, по дыханию, по микродвижениям губ понимаешь, когда ребенок врет или боится. Неужели ты не слышишь, как фонит его ложь? Она же звенит, как неисправная проводка!

Я вспомнила утро. То, как Степан интонационно завышал голос в конце каждой фразы, когда говорил о «задержках в офисе». То, как он избегал прямого взгляда, фокусируясь на узле своего галстука. Профессиональная деформация: я действительно всё видела, но мой мозг старательно накладывал фильтр «любовь» на каждую помеху.

— Что в чехле? — спросила я, чтобы сменить тему.

— Твой пропуск в реальный мир. — Нина расстегнула чехол.

Тонкий, матовый латекс блеснул в глаза. Костюм «Тени» выглядел как вторая кожа. Никаких кружев, никакого пошлого блеска — только глухая, обволакивающая чернота и зеркальная маска, которая превращала лицо в гладкий овал без черт.

— Это... слишком, — я коснулась холодного материала.

— В самый раз, — отрезала Нина. — На этом «Балу уродов» будут маски всех мастей. Степа ждет свою Василису в красном. Он ждет восторженных взглядов коллег. Он не

ждет, что за ним будет наблюдать Тень. Та самая Тень, которую он годами старался не замечать дома.

Я начала надевать костюм. Латекс с трудом скользил по коже, стягивая тело, заставляя выпрямить спину. Когда я застегнула молнию на груди, мне показалось, что я застегнула броню. В этом наряде я не была Наташей, которая печет блины. Я была кем-то другим. Существом без прошлого, без боли, без имени.

Когда я надела маску, мир изменился. Зеркальная поверхность с той стороны была прозрачной, но цвета стали приглушенными, холодными.

Нина долго молчала, рассматривая меня.

— Знаешь, — тихо сказала она, — сейчас ты выглядишь опаснее, чем все их рекламные акулы вместе взятые. Наташ, сейчас я не могу тебя отвезти, мне нужно отъехать по делам. Я вызвала тебе такси. Пора показать Палачу, что Тень умеет следовать по пятам. Если что, звони, я тебя заберу

Глава 2

Я выбежала из дома. На мне был черный облегающий комбинезон из матового латекса, длинный плащ с капюшоном и маска, полностью закрывающая лицо, — зеркальная поверхность, в которой каждый, кто смотрел на меня, видел лишь самого себя.

Костюм «Тени». Самый подходящий наряд для женщины, которую муж перестал замечать.

Я села в такси, и водитель испуганно покосился на меня в зеркало заднего вида.

— На «Бал уродов»? — спросил он.

— Именно туда, — ответила я, и впервые за день мой голос прозвучал твердо. — Пора вершить правосудие.

Я еще не знала, что этот вечер станет концом моей старой жизни. Но я уже чувствовала, как внутри меня, под слоями обиды и боли, начинает просыпаться та Наталья, которую я похоронила десять лет назад. Женщина, которая не просто ставит звуки другим, но и сама имеет право кричать.

Машина тронулась, унося меня в ночь, навстречу музыке, вспышкам камер и самому страшному разоблачению в моей жизни. Я сжимала в кармане плаща приглашенный билет, и края плотной бумаги впивались в ладонь, напоминая: возврата не будет.

Таксист поглядывал на меня в зеркало заднего вида каж-

дые тридцать секунд. В салоне пахло дешевым освежителем и моим страхом, который я отчаянно пыталась спрятать под матовым латексом комбинезона.

Костюм «Тени» оказался на удивление тесным. Он не просто облегал — он диктовал свои условия. Выпрямить спину, втянуть живот, держать подбородок выше. Латекс ощущался как вторая кожа, лишенная нервных окончаний. Под маской было душно, дыхание с легким свистом выходило через прорезы, и этот звук напоминал мне шум прибора перед бурей.

Я вспоминала наш разговор с Ниной на кухне. Она была права: я слишком долго была «базой», на которой Степан только заправлялся. А гонять он предпочитал на других трассах.

— Приехали, — буркнул таксист, притормаживая у сияющего бизнес-центра «Авангард». — С вас семьсот рублей... госпожа Тень.

Я молча протянула купюру. Выходя из машины, я кожей почувствовала укол ледяного ветра, но латекс надежно хранил тепло, создавая иллюзию защищенности.

Перед входом в «Авангард» развернулся настоящий театр абсурда. Красная ковровая дорожка была засыпана сухими листьями и искусственной паутиной. Мимо меня прошеествовал огромный скелет, ведя под руку мертвую невесту. Пираты, оборотни, зомби — «Бал уродов» полностью оправдывал свое название. Люди соревновались в том, кто выглядит более отталкивающе, не подозревая, что самое страшное

уродство скрыто под их масками.

Я замерла у колонны. А потом увидела его.

Степан в образе Палача был великолепен. Кожаный доспех, тяжелый топор — он выглядел пугающе натурально. Но рядом с ним, едва касаясь его локтя, стояла Василиса в алом платье. На её шее вспыхнул золотой ключик. Тот самый.

Я почувствовала, как внутри что-то с тихим хрустом лопнуло. словно пересохшая струна. Десять лет я убеждала себя, что его суровость — это честность. Но сейчас я видела, как он склонился к Василисе, и его рука по-хозяйски легла на её поясницу.

Они направились к лифтам. Я двинулась следом. Моя зеркальная маска отражала мелькание огней, чужие лица, вспышки камер. Я была призраком на этом празднике.

Лифт мягко звякнул. Степан и Василиса вошли внутрь. Я шагнула следом в последнюю секунду. Створки сомкнулись. Мы остались втроем.

В тесном пространстве лифта запах Степана — мой любимый «Черный афганец», который я сама положила ему в сумку сегодня утром — стал невыносимым. Он смешивался с агрессивным ароматом духов Василисы, создавая удушливую ауру измены.

— Тяжелый выдался денек, — негромко произнесла Василиса, поправляя маску. Её голос был низким, с легкой хрипотцой. — Но оно того стоило, Степ. Продажи по новому бренду взлетят.

— Главное, что мы взлетели, Вась, — Степан прислонил топор к стенке лифта и, не обращая на меня внимания, обхватил Василису за талию обеими руками. — Остальное — шум.

Я видела их отражение в зеркальной поверхности дверей. Палач и его Королева. А за ними — безликая Тень.

— Твоя жена не звонила? — Василиса игриво перебирала пальцами заклепки на его плече.

Степан хмыкнул. Звук его смеха, который я раньше считала самым уютным на свете, сейчас напомнил мне скрежет металла по стеклу.

— Наташа? Нет. Она, небось, уже десятый сон видит. Или запеканку на завтра готовит. Она у меня предсказуемая, как прогноз погоды в Сахаре. Скучно, конечно, но удобно. Знаешь, иногда я чувствую себя героем старого фильма, который застрял на одном кадре. Дом — работа — дом. И везде этот запах детской присыпки и правильных котлет.

— Ты жестокий, — Василиса кокетливо ударила его по груди.

— Я честный, — отрезал он. — Десять лет — это срок, Вась. Мы с ней просто... исчерпали друг друга. Она хорошая мать, прекрасная домохозяйка, но как женщина... — он замолчал на секунду, подбирая слово, и моё сердце замерло. — Она как удобные старые кроссовки. Выбросить жалко, а в ресторан не наденешь.

Я стояла неподвижно, боясь, что звук моего участившего-

ся дыхания выдаст меня. Как логопед, я знала всё о тембре и интонациях. Степан не играл. Он говорил это с той легкой долей пренебрежения, с которой говорят о старой мебели, подлежащей замене.

Я, профессиональный педагог, женщина с красным дипломом, превратилась в «старые кроссовки».

Лифт продолжал подъем. На табло сменялись цифры: 12, 14, 16... Каждая цифра — словно удар молотком по моей прежней жизни.

Василиса вдруг обернулась ко мне. Её глаза за кружевной маской сузились.

— Какой необычный костюм у нашей спутницы, — обратилась она к Степану, кивая на меня. — Зеркальное лицо. Жутковато, не находишь?

Степан лениво повернул голову. Его взгляд в прорезях кожаной маски скользнул по моей фигуре. Я видела в его глазах тот самый мужской интерес, который давно исчез из нашего дома. Он оценивал изгиб бедер, обтянутых латексом, стройность ног. Он смотрел на меня как на объект.

— В этом и смысл бала, Вась, — голос Степана стал глубже. — Показать скрытое. Девушка, ваш образ — просто огонь. Очень... провокационно. Тень, которая отражает нас самих. Креативно. На месте нашего босса я бы выдал вам приз за лучший костюм.

Я промолчала, лишь слегка склонив голову. Если бы я произнесла хоть слово, лавина ярости, стоявшая у меня в

горле, снесла бы этот лифт вместе со всеми его пассажирами.

— Она немая? — приподняла бровь Василиса.

— Она — Тень, — усмехнулся Степан, снова возвращая внимание своей любовнице. — А тени, как известно, не разговаривают. Они просто следуют за нами.

Лифт звякнул, объявляя о прибытии на восемнадцатый этаж. Створки разъехались, и в кабину ворвался оглушительный бит электронной музыки. Запах алкоголя, пота и азарта ударил в лицо.

Степан подхватил свой топор.

— Пойдем, Королева. Нас ждет трон.

Они вышли, смеясь и притираясь друг к другу, словно подростки на первом свидании. Я вышла следом, чувствуя, как латекс костюма становится моей новой кожей.

В зале было темно, лишь лазерные лучи резали пространство на красные и синие куски. Огромный банкетный зал был забит людьми в масках. Официанты в костюмах чертей разносили подносы с коктейлями, цвет которых напоминал кровь или яд.

Я шла за Степаном и Василисой к VIP-зоне, расположенной на подиуме. Моя зеркальная маска ловила вспышки света, превращая меня в диско-шар мести. Я больше не чувствовала боли. Боль сгорела в лифте, оставив после себя только холодный, прозрачный расчет.

Степан поднялся на подиум и картинно вскинул топор вверх под одобрительный гул коллег. Он был в центре вни-

мания. Он был счастлив.

Я остановилась у края подиума, прямо под софитами.

«Скучно до зубовного скрежета», — пульсировали в голове его слова.

Ну что ж, Степа. Обещаю, сегодня тебе будет очень, очень весело.

Я потянулась к застёжке маски под волосами, но вовремя одернула руку. Нет. Не сейчас. Сначала я должна увидеть всё. Я должна испить эту чашу до дна, чтобы потом, когда я сорву эту зеркальную поверхность со своего лица, у меня не дрогнул ни один мускул.

Бал уродов продолжался, и я, безликая Тень, начала свой медленный танец вокруг их фальшивого костра. Сегодня Палач узнает, что у Тени тоже есть острые края.

Глава 3

Зал восемнадцатого этажа встретил меня плотным, вибрирующим ударом басов, от которого задрожали не только стекла в панорамных окнах, но и мои ребра. Воздух здесь был другим — перегретым, пропитанным дорогим табаком, парами элитного алкоголя и тем самым специфическим запахом «успеха», который Степан так старательно культивировал в нашем доме.

Я замерла у входа, позволяя полумраку поглотить свой латексный силуэт. Софиты резали темноту неоновыми всполохами — ядовито-зелеными, кроваво-красными, ледяными синими. В их свете гости казались персонажами из кошмарного сна. «Бал уродов» был в самом разгаре.

Здесь не было просто нарядных людей. Креативщики агентства «Авангард» вывернули свою фантазию наизнанку. Мимо меня прохромал «Человек-дерево» с ветвями, растущими прямо из глазниц. У барной стойки хохотала женщина в костюме «Разбитой фарфоровой куклы» — её лицо было искусно загримировано под сеть трещин, из которых сочилась бутафорская черная кровь.

Это был парад деформаций, физических воплощений того, что эти люди обычно прятали за безупречными белыми воротничками и лицемерными улыбками на совещаниях. Ирония ситуации жгла меня изнутри: мой муж выбрал

костюм Палача. Он не стал придумывать себе уродство — он просто надел маску того, кто эти уродства пресекает. Или создает.

— Эй, Тень! Чего замерла? — Рядом возник Гена, арт-директор их отдела. Я узнала его по характерному гнусавому смеху и костюму «Сиамских близнецов» — из его плеча росла вторая, восковая голова, подозрительно похожая на его бывшую жену.

Гена протянул мне бокал с чем-то ярко-фиолетовым. Его взгляд сально прошелся по моему комбинезону.

— Фигура — отвал башки. Ты из какого отдела? Или Василиса из эскорта кого-то выписала для антуража?

Я молча отвела его руку с бокалом. Под зеркальной маской я видела, как расширились его зрачки. Он не видел моих глаз, он видел в маске только свое потное, возбужденное лицо.

— У-у, какая строгая, — хохотнул Гена и, пошатываясь, двинулся дальше в толпу. — Ищи Палача, он сегодня главный на плахе!

Я двинулась вглубь зала, лавируя между гостями. Степан и Василиса были в центре внимания. Они заняли подиум в конце зала, где на импровизированном троне из ржавых цепей восседала она — его Королева в алом. Василиса сняла полумаску, и её лицо, освещенное снизу красным софитом, казалось хищным, торжествующим.

Степан стоял рядом, положив руку в кожаной перчатке на спинку её «трона». Его топор был воткнут в массивный деревянный чурбан, служивший подставкой для ведра с шампанским.

— Дамы и господа! Уроды и монстры! — Голос Степана, усиленный микрофоном, разлетелся по залу, перекрывая музыку. — Сегодня великая ночь. Ночь, когда мы сбрасываем кожу приличий и показываем, на что способен истинный креатив!

Зал взорвался криками и свистом. Я подошла почти к самому подиуму, остановившись в тени массивной колонны.

— В этом бизнесе выживают только те, кто умеет резать по живому! — Степан вошел в раж. Он сорвал свой кожаный капюшон, и его лицо, влажное от пота, сияло от адреналина и собственной значимости. — Мы — пастыри этого стада потребителей. Мы решаем, что им любить и о чем мечтать. И я хочу поднять этот бокал за ту, кто научила меня не оглядываться назад! За Василису!

Он подхватил бокал с шампанским и повернулся к ней. В его взгляде было столько неприкрытого обожания, что мне на мгновение стало физически душно. Я вспомнила, как месяц назад он пришел домой поздно, сославшись на аврал, и я грела ему ужин, стараясь не шуметь, чтобы не потревожить его «усталость». Он тогда даже не посмотрел на меня, уткнувшись в телефон.

— К черту формальности! — крикнул кто-то из толпы. —

Степ, ты обещал сюрприз!

Василиса поднялась с трона. Её алое платье облегало фигуру, как чешуя. Она положила руку Степану на затылок, притягивая его к себе. Золотой ключик на её шее качнулся и замер, поймав блик света.

— Мой Палач сегодня получает награду, — промурлыкала она в микрофон, и этот звук, усиленный динамиками, прошелся по моей коже как ледяное лезвие. — С завтрашнего дня Степан — креативный директор всего холдинга. И... мой официальный партнер. Во всех смыслах.

Зал взвыл. Это было признание. Публичное, окончательное. Мой муж стоял на сцене, обнимая женщину, которая только что фактически объявила о смене владелицы на его «сердце и тело».

— А как же твоя... — Гена, тот самый, что приставал ко мне, выкрикнул из толпы, — как же твоя «домашняя запеканка», Степ?

Степан рассмеялся. Этот смех я буду помнить до конца своих дней.

— Запеканка останется в прошлом, Гена! Каждому продукту — свой срок годности. Мой истек сегодня в восемь вечера, когда я закрыл дверь той квартиры.

Это было всё. Последний кирпич в стене моей десятилетней слепоты. Я чувствовала, как внутри меня что-то умирает — тихо, без стонов. Та Наталья, что верила в «и в горе, и

в радости», испарилась, оставив после себя холодную, прозрачную Тень.

Я вышла из-за колонны и медленно, не торопясь, направилась к подиуму. Музыка вдруг стала тише — люди замечали странную фигуру в зеркальной маске, которая двигалась с грацией механической куклы.

Я поднялась на первую ступеньку. Степан, всё еще обнимая Василису за талию, заметил меня.

— О, Тень из лифта! — Он осклабился, его глаза были мутными от выпитого и триумфа. — Решила присоединиться к победителям? Давай, покажи нам свое лицо. Мы же сегодня срываем маски, верно?

Василиса прищурилась, её рука на плече Степана напряглась.

— Она какая-то странная, Степ. Уведи её.

— Да ладно тебе, Вась! Красивая девка, латекс сидит — просто космос. Эй, Тень! Если под маской ты так же хороша, как сзади, я, может, пересмотрю свои планы на остаток ночи! — Степан захохотал, и его коллеги подхватили этот смех.

Я остановилась в шаге от него. Я видела свое отражение в его зрачках — искаженное, безликое. Я видела Василису, которая уже начала что-то подозревать, её пальцы судорожно сжали бокал.

— Ну же! — Степан протянул руку к моей маске. — Раз-два-три...

Я не дала ему коснуться себя. Сама потянулась к застежкам. Щелчок. Еще один.

Маска соскользнула с моего лица, оставшись висеть на цепочке.

Тишина в зале наступила не мгновенно. Она распространилась кругами, как рябь от брошенного в болото камня. Сначала замолчал Степан — его рот так и остался полуоткрытым, рука замерла в воздухе. Затем Василиса, чье лицо из торжествующего мгновенно превратилось в маску мертвенной бледности.

Я смотрела прямо в глаза мужу. Мой взгляд был сухим и ясным. Десять лет я смотрела на него снизу вверх, из-за плиты, из детской, из-под одеяла. Сейчас я смотрела на него как на патологоанатом смотрит на неудачный экспонат.

— Срок годности, говоришь? — Мой голос, без микрофона, в наступившей тишине прозвучал как удар хлыста. — Ты прав, Степан. Твой действительно истек.

Степан сглотнул. Его кадык дернулся. Он попытался сделать шаг назад, но уперся в свой «трон».

— На-аташа?.. Ты... что ты здесь делаешь? Как ты...

— Я пришла забрать свои кроссовки, Степ, — я усмехнулась, и этот звук заставил Василису вздрогнуть. — Те самые, которые ты не можешь надеть в ресторан.

Я перевела взгляд на Василису. Она стояла, выпрямившись, пытаясь вернуть себе самообладание, но золотой клю-

чик на её груди ходил ходуном от частого дыхания.

— Прекрасный выбор, Василиса, — я кивнула на Степана. — Берите. Он отлично умеет отпаривать костюмы и молчать, когда ему указывают его место. Правда, иногда он воюет чужой ложью, но вы к этому привыкнете. Это ваш общий парфюм.

— Убирайся отсюда, — прошипела Василиса, её глаза налились яростью. — Охрана!

— Не трудись, — я взяла с чурбана бокал шампанского, который Степан приготовил для своего триумфального тоста. — Я уже ухожу.

Степан наконец обрел дар речи. Он попытался схватить меня за руку, его лицо начало наливаться багровым цветом — признак наступающей ярости, которой он обычно подавлял меня дома.

— Ты... ты сорвала мне вечер! Ты хоть понимаешь, что ты наделала?! Завтра же...

— Завтра у тебя будет много дел, Степ, — перебила я его. — Развод. Раздел квартиры. И объяснения с моей мамой, почему её внук начал заикаться, глядя на твой костюм.

Я посмотрела на бокал в своей руке. Игристое вино весело пузырилось.

— За твой новый статус, креативный директор.

Я не стала плескать ему в лицо — это было бы слишком мелко, слишком «по-бабски». Я медленно наклонила бокал

и вылила ледяное шампанское прямо на его безупречные кожаные сапоги Палача. Желтоватая жидкость потекла по дорогой коже, смешиваясь с пылью подиума.

— Теперь твой образ завершен, — сказала я, глядя, как он беспомощно смотрит на свои промокшие ноги. — Палач в луже собственного дерьма.

Я развернулась и пошла к выходу. Зал расступался передо мной еще быстрее, чем когда я вошла. Теперь они видели мое лицо. Они видели женщину, которая только что на их глазах уничтожила репутацию их нового босса.

— Наташа! Стоять! — Рев Степана донесся мне в спину, но в нем уже не было силы. В нем был страх человека, чья идеальная картинка разлетелась на куски.

Я не обернулась. Я шла к лифтам, чувствуя, как латекс комбинезона больше не сдавливает мне грудь. Наоборот, мне впервые за много лет было чем дышать.

В холле бизнес-центра было пусто и прохладно. Я вышла на улицу. Октябрьский ветер немедленно швырнул мне в лицо пригоршню ледяного дождя, но я лишь подставила ему пылающие щеки.

Достала телефон и набрала Нину.

— Я всё.

— И как? — Голос подруги был напряженным.

— Шампанское было сухим. А Степан — мокрым. Забери меня, Нин. Мне нужно собрать вещи, пока этот урод не вернулся в «музей».

Я села на гранитный парапет, не заботясь о том, что латекс может испачкаться. Зеркальная маска валялась рядом, отражая ночное небо Петербурга — такое же темное и неопределенное, как мое будущее.

Но в одном я была уверена точно: завтра я проснусь не «домашней запеканкой». Я проснусь Натальей Сергеевной. Женщиной, у которой нет дома, нет мужа и нет работы. Но у которой, наконец-то, есть она сама.

Бал уродов для меня закончился. Начиналась жизнь.

Глава 4

Латексный костюм снимался мучительно долго, прилипая к коже, словно застарелая обида. Каждый сантиметр матовой ткани, отвоеванный у тела, отзывался резким звуком, похожим на стон. Нина молча помогала мне, дергая застёжки и не глядя в глаза. Она знала: сейчас любое слово сочувствия сработает как детонатор.

— В душ хочешь? — коротко спросила она, когда я наконец осталась в своем белье, чувствуя, как по телу гуляет сквозняк из приоткрытого окна.

— Нет. Хочу поехать к Тихону и к маме.

Я натянула свои старые джинсы и свитер — обычные, серые, «пресные» вещи. Всего час назад в зеркальной маске я чувствовала себя вершительницей судеб, а сейчас, в этом привычном трикотаже, снова превращалась в женщину, у которой из собственности — только загранпаспорт и пятилетний сын... Я собрала кое какие вещи и мы вышли из квартиры.

Нина завела мотор. Дворники с противным скрипом начали размазывать октябрьскую хмарь по лобовому стеклу.

— Он не оставит тебя в покое, Наташ. Ты вылила шампанское не просто на сапоги. Ты вылила его на его самолюбие перед всем отделом. Для Степана это хуже, чем если бы ты его кастрировала.

Я откинулась на сиденье и закрыла глаза. Перед веками всё еще плясали неоновые вспышки и испуганное, перекошенное лицо мужа.

— Пускай. Сапоги высохнут. А вот то, что он наговорил в лифте, уже ничем не оттереть.

Мы ехали по ночному городу, мимо спящих многоэтажек и подмигивающих светофоров. Город казался равнодушным к тому, что в одной маленькой машине сейчас рушится десятилетний мир. Степан звонил трижды. На четвертый раз я просто выключила телефон. Не из страха — из брезгливости. Я слишком хорошо знала этот тон: сначала он будет орать, обвиняя меня в неадекватности, а потом перейдет к холодному шантажу.

Мама жила в старой пятиэтажке на окраине. Подъезд встретил нас запахом сырости и пережаренного лука — вечными спутниками домов, где жизнь течет медленно и предсказуемо.

Анна Васильевна ждала нас, не ложась. Она сидела на кухне в своем байковом халате, обложившись коробками с лекарствами. Увидев меня — бледную, с размазанной тушью под глазами и в компании Нины — она всё поняла сразу. Но поняла по-своему.

— Опять поругались? — вздохнула она, даже не вставая, чтобы поставить чайник. — Господи, Наташа, ну какая ты нетерпимая. Степан — видный мужчина, у него карьера. Ну задержался, ну выпил лишнего... Хеллоуин этот дурацкий,

головы людям морочат.

— Он мне изменил, мам. Публично. С начальницей.

Мама замерла. В тишине кухни было слышно, как тикают старые ходики на стене. Она медленно перевела взгляд на Нину, ища опровержения, но Нина лишь хмуро кивнула.

— И что? — вдруг спросила мама, и этот вопрос ударил меня сильнее, чем признание Степана в лифте. — Ты о сыне подумала? Куда ты пойдешь? На мою пенсию жить собралась? Степан — кормилец. Мужчины — они как дети, им новизна нужна. Перебесился бы и вернулся в семью. А ты... Ты всё разрушила. Скандал закатала. Как мы теперь людям в глаза смотреть будем?

— Мы? — я горько усмехнулась. — Мам, он меня «старыми кроссовками» назвал. Сказал, что я скучная и предсказуемая. Тебе этого мало?

— Слова — это ветер, — отрезала Анна Васильевна. — А квартира в центре и счет в банке — это стены. Иди ложись. Утром проспишься, позвонишь мужу и извинишься. Скажешь, что перенервничала.

Я не стала спорить. Бесполезно объяснять человеку, прожившему тридцать лет с моим отцом-алкоголиком «ради детей», что такое достоинство. Для неё брак был не союзом, а трудовой повинностью с гарантированной пайкой.

Я зашла в маленькую комнату, где на диване, раскинув руки, спал Тихон. Он дышал тяжело, с характерным присвистом. Я присела на край, коснулась его горячего лба. Сын

вздрыгнул во сне и прошептал: «П-папа?..»

Сердце сжалось в тугой комок. Вот она, моя главная вина. Не в том, что сорвала маску со Степана, а в том, что позволила Тихону расти в атмосфере фальши, которую он впитывал каждой клеточкой своего маленького тела. Его заикание — это мой страх, облеченный в звуки. Его хрипы — это мои невыплаканные слезы.

Я включила телефон. Экран тут же взорвался серией сообщений.

«Ты совершила самую большую ошибку в жизни. Ты хоть понимаешь, что Василиса сотрет тебя в порошок?»

«Завтра я заблокирую все карты. Посмотрим, как ты запоешь через два дня».

«Где Тихон? Если ты его спрятала — подаю в розыск. Ты не мать, ты истеричка».

И последнее, присланное десять минут назад:

«Наташ, давай без глупостей. Я был выпивши, наговорил лишнего. Ты сама виновата, приперлась туда в этом виде... Вернись домой, обсудим условия. Я готов тебя простить за этот цирк».

«Готов тебя простить». Мой великий Палач милостиво дарует жизнь приговоренной.

Я заблокировала его номер. Руки не дрожали. Внутри, где

раньше жила тревога, теперь была выжженная земля. Чистая, ровная, готовая к новым застройкам.

Утро началось не с солнечных лучей — их в октябрьском Питере не выдавали по расписанию — а с резкого запаха корвалола. Мама демонстративно пила лекарство на кухне, гремя ложечкой о стакан.

— Тихон кашляет, — сказала я, заходя на кухню.

— Конечно кашляет, — не оборачиваясь, отозвалась мама. — У ребенка стресс. Мать в латексе по барам скачет, отец в трансе. Ты на работу собираешься? Ах да, я забыла, у тебя же её нет. Пять лет на шее у Степушки сидела, профессионалка...

Я проигнорировала укол. Достала из своей сумки, которую Нина предусмотрительно захватила из нашей квартиры еще днем, папку с документами. Мой красный диплом. Сертификаты. Логопедические пособия.

— Я найду работу, мам. Прямо сегодня.

— Кем? Нянькой? В садик пойдешь за копейки? Тебе на одни лекарства сыну не хватит, не говоря уже про нормальную жизнь.

Я села за старый кухонный стол, покрытый шербатой клеенкой. Передо мной лежал мой ноутбук. Я открыла сайты с вакансиями.

«Логопед в частный центр». «Педагог раннего развития». «Воспитатель».

Зарплаты были... отрезвляющими. После привычных

сумм, которые Степан небрежно переводил мне на «хозяйство», эти цифры казались опечаткой. Но самое страшное было не это. Везде требовался «опыт работы за последние 3 года» и «знание новых методик». Мой пятилетний перерыв в стаже зиял в резюме как воронка от снаряда.

Я методично отправила десять откликов. Тишина.

В полдень позвонила Нина.

— Ну как ты, Тень? Жива?

— Жива. Пытаюсь монетизировать свои знания. Пока рынок труда считает, что я гожусь только листовки у метро раздавать.

— Погоди с листовками, — голос Нины стал деловым. — Тут мой Вадик обмолвился... У него шеф по безопасности работает на одного очень непростого человека. Вдовец, крупный логист, денег — куры не клюют. Но есть проблема.

— Какая?

— Дочь. Семь лет. Злата. Девочка не разговаривает. Со всем. После смерти матери два года назад как отрезало. Врачи говорят — психологический блок. Сменили пять нянь, три из них убежали в слезах через неделю. Ребенок — маленький монстр в юбке. Но платят там столько, что ты сможешь снять квартиру в центре и еще на адвоката останется.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы непроизвольно сложились в артикуляционную позицию для звука «С».

— Молчащий ребенок — это мой профиль, Нин. Но возь-

мет ли он меня? С моим-то «багажом» и перерывом?

— Там сейчас такой аврал, что они возьмут даже черта с рогами, если он заставит Злату хотя бы поздороваться. Завтра в десять утра у них собеседование. Адрес скину. Оденься... ну, знаешь, как подобает «педагогу из хорошей семьи». Серый кардиган, пучок, взгляд мученицы.
Я усмехнулась.

— Пучок у меня всегда с собой. А взгляд... взгляд будет профессиональный.

К вечеру Степан перешел к активным действиям. Моя карта «Мир», на которой оставались «сдаточные» деньги от покупок, была заблокирована. Я попыталась зайти в личный кабинет банка — пароль изменен.

Он решил взять меня измором. Оставить без средств к существованию, чтобы я сама приползла к нему под дверь, вымаливая доступ к кормушке.

Я достала свои старые логопедические зонды. Тонкие палочки из нержавеющей стали блеснули холодно и уверенно. Это были мои инструменты. Мое оружие.

— Завтра, Тиша, мы начнем лечиться, — прошептала я, глядя на спящего сына. — И я, и ты.

Мама на кухне продолжала вздыхать, включая телевизор на полную громкость. С экрана какая-то женщина в ярком платье вещала о том, как важно «сохранять очаг любой ценой».

Я закрыла ноутбук. Первый день моей новой жизни подходил к концу. У меня не было денег, муж превратился в личного врага, а собственная мать считала меня предательницей интересов семьи.

Но когда я закрыла глаза, я увидела не спину Степана в кожаной куртке. Я увидела зеркальную маску, в которой отражался весь этот «бал уродов». И я знала: маску я больше не надену. Никогда.

Завтра мне предстояло войти в дом к «Зверю» и его молчаливой дочери. И почему-то этот вызов пугал меня гораздо меньше, чем перспектива прожить еще один день в роли «удобных старых кроссовок».

Глава 5

Мелочь в пластмассовой баночке из-под детских витаминов гремела навязчиво и

дешево. Я высыпала содержимое на кухонный стол, покрытый щербатой клеенкой,

и принялась методично пересчитывать монеты. Десятки, пятерки, горсть потемневших

двоек. Это были «сокровища» Тихона, которые он собирал на какую-то воображаемую

железную дорогу, а теперь они должны были оплатить мой билет в один конец.

— Дожили, — Анна Васильевна, не оборачиваясь, звучно поставила кружку с чаем на

плиту. — У собственного ребенка последнее забираешь. Ты хоть понимаешь, Наташа,

как это выглядит со стороны?

Я не ответила. Мои пальцы, еще помнящие гладкость латекса и холод зеркальной

маски, теперь были испачканы в металлической пыли дешёвых денег. Со стороны

это выглядело как катастрофа. Внутри это ощущалось как война.

— Мне нужно добраться до «Грин-Вуда», мам. Пешком я туда не дойду, а Степан

позаботился о том, чтобы у меня даже на метро не осталось.

— Так позвони ему! — Мать резко развернулась, её лицо, обрамленное сеткой мелких

морщин, пылало от негодования. — Гордость свою в карман спрячь. Скажи, что бес

попутал, что погорячилась. Он ведь ждет, Наташа. Он мужчина, ему нужно, чтобы

ты признала его силу. А ты... ты как об стену горох. Куда ты едешь? К какому-то

вдовцу? Ты хоть знаешь, что про таких людей говорят? Они же за копейку удавят,

а если девочка ненормальная...

— Она не ненормальная, — отрезала я, сгребая мелочь в кулак. — У неё

психологический блок. И я — единственный человек, который знает, как

этот блок снять.

Я натянула свой старый серый пуловер. Он был уютным, привычным и совершенно

невыразительным — именно то, что нужно для образа надежного педагога. В

зеркале прихожей на меня смотрела женщина с туго затянутым узлом волос на

затылке. Никакой туши, никакой помады. Только чистая кожа и глаза, в которых

поселился холодный, расчетливый покой. Тень исчезла, осталась Наталья

Сергеевна.

Путь до элитного поселка занял полтора часа. Сначала дребезжащий автобус,

пропахший сыростью и несбывшимися надеждами городских окраин, затем —

сверкающая чистотой маршрутка, которая везла персонал в мир «больших денег».

Чем дальше мы уезжали от центра, тем выше становились сосны и тем неприступнее —

заборы.

«Грин-Вуд» встретил меня тишиной. Здесь даже воздух казался отфильтрованным,

избавленным от городского смога и суеты. На КПП меня продержали десять

минут. Охранник в безупречной черной форме изучал мой паспорт так долго,

словно искал в нем следы немислимых связей

— К Воронцову? — спросил он, наконец возвращая документ.

— На собеседование, — уточнила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он коротко кивнул и нажал кнопку. Тяжелые кованые во-

рота поползли в стороны со

звуком, который напомнил мне лязг тюремного засова. Я шла по идеально ровному

асфальту, мимо участков, скрытых за живыми изгородями. Здесь не было слышно

детских криков или лая собак. Только шелест сосен и далекий гул дорожного

мотора.

Особняк Романа Воронцова возник за поворотом неожиданно. Стекло, бетон, острые

углы — дом напоминал айсберг, выброшенный на берег. Никаких башенок или

лепнины, только холодная, стерильная роскошь минимализма. Я нажала на

кнопку видеодомофона.

Дверь открыл мужчина лет сорока пяти в темном костюме — скорее всего, дворецкий

или управляющий. Он молча кивнул и жестом пригласил

меня войти.

Внутри дом казался еще более пустым. Огромный холл со вторым светом, полы из

серого микробетона, минимум мебели. Красиво? Да. Жило? Нет. Здесь пахло

чистотой и одиночеством.

— Проходите, Роман Викторович ждет в кабинете, — негромко произнес мужчина,

указывая на массивную дверь из мореного дуба.

Я сделала глубокий вдох. Сердце в груди билось ровно — я была в своей стихии.

Степан мог забрать у меня деньги, квартиру и веру в любовь, но он не мог

забрать мои знания.

Кабинет Романа Воронцова был залит светом из панорамного окна, выходящего на

сосновый бор. Хозяин дома сидел за массивным столом, изучая какие-то бумаги.

Когда я вошла, он не поднял головы сразу, давая мне воз-

возможность рассмотреть его.

Роман не был похож на Степана. В моем муже была та глянцева́я, «рекламная»

красота, которая так нравится женщинам. Роман же был высечен из гранита.

Широкие плечи, жесткая линия челюсти, коротко стриженные волосы с заметной

просе́дью на висках. Он казался старше своих сорока двух — или просто жизнь

потрепала его сильнее.

— Присаживайтесь, Наталья... Сергеевна, — его голос был низким, густым, с легкой

хрипотцой. Он наконец поднял глаза, и я невольно замерла. Темные, почти

черные, они смотрели на меня с такой пронзительной холодностью, что

захотелось поежиться.

Я села на краешек кожаного кресла, сложив руки на коленях.

— У вас впечатляющее резюме, — Роман отложил папку.
— Красный диплом,

стажировки. Но пять лет пробела. Вы занимались семьей?

— Да. Моему сыну пять лет.

— И теперь вы решили вернуться в профессию. Почему именно сейчас? И почему в

качестве няни, а не в клинику?

— Потому что мне нужны деньги, Роман Викторович.
Срочно и много. И потому что

ваш случай — элективный мутизм — это то, в чем я действительно сильна.

Клиническая работа дает базу, но такие дети, как ваша дочь, требуют

полного погружения.

Он усмехнулся, но эта усмешка не коснулась его глаз.

— Прямолинейно. Это мне нравится. Но есть один нюанс.
Моя служба безопасности

подготовила отчет. Вчера вечером вы... скажем так, ярко напомнили о себе на

корпоративе рекламного агентства «Авангард». Костюм латексной тени,

шампанское на ботинки мужа, публичный скандал. Мне нужна няня для

дочери, а не героиня желтой прессы и не женщина в состоянии нервного

срыва.

Я почувствовала, как к щекам приливает жар, но взгляд не отвела.

— Мой вчерашний вечер был финальной точкой в десятилетнем браке, который

оказался фикцией. Шампанское на обуви — это меньшее, что заслужил мой

муж за измену под камерами. Но если вы думаете, что мои личные проблемы

помешают мне работать, то вы ошибаетесь. Напротив. Мне некуда отступить. У

меня на руках ребенок, заблокированные счета и полное отсутствие иллюзий. Я буду

работать на износ, потому что у меня нет другого выбора. Роман Викторович откинулся на спинку кресла, пристально изучая мое лицо. В

кабинете повисла тяжелая тишина.

— Вы знаете, что от Златы отказались пять нянь? — спросил он наконец. — Она не

просто не говорит. Она не переносит присутствия чужих людей. Она может часами

сидеть в одной позе, игнорируя всё вокруг. Или начать крушить комнату, если ей

что-то не нравится.

— Она не крушит комнату, Роман Викторович. Она кричит единственным доступным ей

способом. Вы пытались навязывать ей общение, а ей нужно пространство.

— Хорошо, — Воронцов резко встал. — Теория — это прекрасно. Давайте перейдем к

практике. Злата сейчас в игровой. У вас есть десять минут. Если она хотя бы не

выгонит вас через две минуты — мы продолжим разговор.
Нет — я оплачу вам такси

до дома, и на этом закончим.

Он вышел из-за стола, и я поняла, насколько он огромен.
Высокий, атлетически

сложенный, он заполнял собой всё пространство кабинета. Он прошел к двери, и

я последовала за ним, чувствуя, как внутри натягивается невидимая струна.

Игровая находилась в конце длинного коридора. За дверью было тихо. Слишком тихо

для места, где находится семилетний ребенок.

Роман открыл дверь и отступил в сторону, пропуская меня.

Комната была огромной и заваленной самыми дорогими игрушками, которые только

можно купить. Кукольные дома, железные дороги, интерактивные панели. Но

Злата сидела в самом центре на ковре, в окружении обыч-

ных деревянных

кубиков. На ней было темно-синее платье, волосы были стянуты в тугую

косу. Она не подняла головы, когда мы вошли.
— Злата, это Наталья Сергеевна, — сухо произнес Роман.
Девочка даже не вздрогнула. Она методично выстраивала высокую башню из кубиков.

Одно неверное движение — и конструкция рухнет.
Роман посмотрел на часы. — Десять минут, — напомнил он шепотом и вышел, прикрыв

дверь.

Я осталась одна в этой тишине, которая была плотной, как вата. Я не стала

подходить к девочке. Не стала сюсюкать или предлагать поиграть вместе.

Это была самая частая ошибка моих предшественниц — они пытались взломать

дверь, вместо того чтобы подождать, пока её откроют изнутри.

Я медленно опустилась на пол у самой двери, на приличном расстоянии от Златы.

Достала из своей сумки небольшой кожаный футляр с логopedическими зондами —

блестящими палочками с петельками на концах. И начала... играть сама с собой.

Я не смотрела на Злату. Я достала одну из карточек с изображением смешной рожицы

и начала тихо, едва слышно, имитировать звук ветра, проводя зондом по воздуху.

— Ш-ш-ш... — тихо выдохнула я. — Ш-ш-ш...

Злата замерла. Её рука с кубиком зависла в воздухе. Она не обернулась, но я

видела, как напряглись её маленькие плечи.

Я продолжала. Достала зеркальце и поймала в него солнечный зайчик, пустив его по

стене прямо перед лицом девочки. Зайчик задрожал на кубиках.

— С-с-с... — прошептала я, подражая свисту змеи.

Злата медленно, очень медленно повернула голову. Её глаза — такие же темные и

холодные, как у отца, — встретились с моими. В них не было интереса, только

настороженность и глубокое, застарелое недоверие.

Я не улыбнулась ей. Я просто кивнула карточке в своей руке и положила зеркальце

на пол рядом с собой, «забыв» его.

Прошло пять минут. Злата вернулась к своей башне, но теперь она строила её

быстрее, словно торопилась. Я продолжала сидеть у двери, делая вид, что

полностью поглощена своими инструментами. Я была для неё безопасным объектом.

Частью интерьера.

В какой-то момент один из кубиков соскользнул и попал в мою сторону. Он

замер в паре метров от меня.

Я не бросилась его поднимать. Я просто посмотрела на него и снова перевела

взгляд на свои карточки.

Злата встала. Она двигалась бесшумно, как маленькая кошка. Она подошла к кубику,

подняла его и... не вернулась к башне. Она осталась стоять на месте, разглядывая

меня.

Я чувствовала её взгляд каждой порой. Она изучала мой серый пуловер, мой пучок,

мои руки. В её мире взрослые всегда чего-то требовали: «скажи», «покажи»,

«повтори». Я не требовала ничего.

Злата сделала шаг ко мне. Затем еще один. Она остановилась так близко, что я

могла почувствовать запах её детского шампуня — ромашка и чистота. Она

протянула руку и коснулась зеркала, которое я оставила на полу.

В этот момент дверь тихо скрипнула. В проеме стоял Роман. Он смотрел на нас, и в

его взгляде впервые промелькнуло что-то похожее на живой интерес.

Злата тут же отпрянула, вернулась к своим кубикам и снова превратилась в ледяное

изваяние. Она словно захлопнула невидимый люк.

Роман жестом пригласил меня выйти.

Мы вернулись в коридор. Он молчал, пока мы не дошли до его кабинета.

— Она подошла к вам, — сказал он, закрывая дверь. — Сама. Этого не случилось ни

с одной няней за последние полгода.

— Я не пыталась её лечить, Роман Викторович. Я пыталась с ней сосуществовать. Ей

нужно время, чтобы понять, что я не враг.

Воронцов подошел к окну, заложив руки за спину.

— Хорошо, Наталья Сергеевна. Пять нянь сбежали, потому что Злата «слишком

сложная». Вы — шестая. И вы кажетесь мне достаточно... отчаянной, чтобы

выдержать её характер.

Он повернулся ко мне. Его взгляд снова стал жестким, но

на этот раз в нем было

что-то еще. Одобрение?

— Испытательный срок — месяц. Оклад в три раза выше того, что вы видели в

объявлениях. Проживание здесь, в гостевом крыле. Можете забрать сына. Моя

охрана обеспечит его безопасность и доставку в сад. Но если я увижу, что

прогресса нет, или если ваши семейные разборки докажутся до моих ворот...

мы расстанемся в тот же день.

Я сжала кулаки, чувствуя, как внутри разливается горячая волна облегчения.

— Вы не пожалеете, Роман Викторович. Мои «разборки» со Степаном закончены.

Теперь у меня есть только работа.

— Посмотрим, — он подошел к столу и нажал кнопку интеркома. — Андрей,

подготовьте комнаты в западном крыле. У нас новые

жильцы.

Он посмотрел на меня в упор. — Забирайте сына и возвращайтесь к вечеру. И

Наталья... — он сделал паузу. — В этом доме не любят шум. Помните об этом.

Я кивнула. Выходя из особняка, я вдохнула холодный октябрьский воздух. Последние

монеты из витаминной баночки больше не гремели в моем кармане — они остались в

прошлом.

Степан думал, что вышвырнул меня на улицу. Он не знал, что он просто вытолкнул

меня туда, где я наконец смогу расправить плечи.

Бал уродов продолжался в городе, а здесь, в лесной тишине, начиналась моя

настоящая битва. И я была намерена в ней победить.

«Оставайтесь», — звучало в моей голове его короткое слово.

Я останусь. И я заставлю этот дом заговорить.

Глава 6

Старый чемодан, переживший еще наши со Степаном первые поездки на море, неохотно

заглатывал стопки моих свитеров и детских вещей. Замок заедало, он словно

сопротивлялся моему бегству из уютного, понятного прошлого в это

пугающее, стерильное будущее.

— Ты хоть понимаешь, что это похищение? — Мама стояла в дверях комнаты, прижимая

к груди старую шаль. Её голос вибрировал от плохо скрываемого ужаса. — Он ведь

отец. Он имеет право знать, где его сын.

Я резко затянула ремень чемодана. — Он знает, где его сын, мам. Он знает, что

Тихон со мной. А вот где «со мной» — это уже детали, которые его не касаются.

После того как он выставил нас на улицу без копейки денег, его права закончились

там же, где и моё терпение.

— Он не выставил! Он просто... наказал тебя за строптивость. Остынет — и всё

вернет. Наташа, опомнись! К какому-то чужому мужику в дом едешь,

прислужой! У тебя же гордость была.

— Вот именно, мам. Гордость. Поэтому я и еду работать, а не выпрашивать у

Степана разблокировку карты в обмен на очередное «прости, я была

неправа».

Тихон сидел на кровати, обнимая своего потрепанного медведя. Он молчал,

внимательно переводя взгляд с меня на бабушку. Его дыхание всё ещё было

тяжелым, но в глазах застыло взрослое, недетское понимание: сейчас происходит

что-то очень важное. То, от чего зависит, будем мы дальше шептать или наконец

заговорим в полный голос.

Звонок в домофон прорезал тишину квартиры, как скальпель. Мама вздрогнула и

схватила за сердце.

— Это он? Степан? — Нет, мам. Это за нами.

Я выглянула в окно. У подъезда, вызывающе блестя на фоне облупившихся стен

хрущевки, стоял огромный черный внедорожник. Из него вышел мужчина в

темной куртке — тот самый водитель Андрей, которого Роман Викторович

прислал за нами.

Но я ошиблась.

Когда я уже взялась за ручку чемодана, в дверь не просто позвонили — в неё

начали колотить кулаком. Этот ритм я знала слишком хорошо. Требовательный,

властный, не признающий отказов.

Степан.

— Открывай, Наталья! Я знаю, что ты там! — Его голос, приглушенный дубовой

дверью, всё равно пробирал до костей. — Хватит ломать комедию, выходи!

Мама метнулась к двери, но я перехватила её руку. — Не смей. — Но он же... он же в

ярости, Наташенька! Он сейчас дверь выломает!

Я глубоко вздохнула, поправляя воротник свитера. Страха не было. Была лишь

усталость и острое желание поскорее оказаться за высокими заборами

«Грин-Вуда». Я подошла к двери и рывком открыла её.

Степан едва не ввалился в прихожую. Он был в том же пальто, в котором вчера

стоял на сцене, но лоск заметно поблек. Глаза красные, лицо одутловатое.

Запах перегара, смешанный с тем самым «Черным афган-

цем», ударил в нос так

сильно, что я поморщилась.

— Ну? Поиграла в независимость? — Он попытался ввалиться внутрь, но я выставила

руку, упираясь ему в грудь. — Уходи, Степан. Нам не о чем разговаривать.

— Не о чем? — Он хрипло расхохотался, отталкивая мою руку. — Ты вчера опозорила

меня перед всем руководством! Василиса в бешенстве, мне пришлось полночи

объяснять, что ты психически неуравновешенная! Ты хоть понимаешь, сколько

мне стоило замять этот скандал?

— Надеюсь, очень дорого, — спокойно ответила я. — А теперь уйди с дороги. Мы

уезжаем.

Он только сейчас заметил чемоданы в коридоре и Тихона, стоящего за моей спиной.

Его лицо мгновенно налилось багровым цветом. — Куда

это вы собрались? К этой

своей подружке-разведенке? Или... — он прищурился, и в его взгляде мелькнула

грязная догадка. — Нашла себе спонсора? Так быстро? Ну конечно, Тень в

латексе... Видимо, на балу тебя не один я заметил.
— Степан, замолчи, — я почувствовала, как пальцы сжимаются в кулаки. — Здесь

ребенок.
— Сын останется здесь! — Рывкнул он, делая шаг к Тихону. — Ты можешь валиться на

все четыре стороны, обслуживать кого угодно, но Тихона я тебе не отдам. Ты

неадекватна, я это докажу в любом суде!
Тихон всхлипнул и прижался к моим ногам. Мама запричитала в углу, закрыв лицо

руками. И в этот момент в дверном проеме, за спиной Степана, выросла

массивная фигура Андрея.

Водитель Романа Викторовича выглядел как скала — спокойный, непроницаемый, с

холодным взглядом человека, который видел в этой жизни вещи пострашнее

пьяного рекламщика.

— Наталья Сергеевна, возникли трудности? — Его голос прозвучал негромко, но

Степан мгновенно осекся и обернулся.

— Ты еще кто такой? — Степан попытался вернуть себе властный тон, но на фоне

Андрея он казался задиристым подростком.

— Я водитель господина Воронцова. Мы ждем Наталью Сергеевну в машине. Прошу вас,

отойдите от двери.

Фамилия «Воронцов» подействовала на Степана как ушат ледяной воды. В нашем

городе это имя знали все. И знали, что те, кто на него работают, слов на

ветер не бросают.

— Воронцов? — Степан перевел взгляд с Андрея на меня, и в его глазах отразилась

такая смесь шока и унижения, что мне почти стало его жаль. Почти. — Ты... ты

устроилась к нему? К этому... Синей Бороде? Наташа, ты с ума сошла? Он же

тебя сожрет и не заметит!

— Лучше быть съеденной львом, чем до конца жизни терпеть укусы гиены, — ответила

я, подхватывая чемодан. — Андрей, помогите, пожалуйста.

Водитель молча подхватил оба моих чемодана, словно они ничего не весили. Я взяла

Тихона за руку. — Мам, я позвоню. И не переживай. Мне там будет... безопасно.

Мы выходили из квартиры под аккомпанемент бессильных выкриков Степана. Он не

посмел пойти за нами к лифту — Андрей преграждал ему путь всем своим видом,

пока двери не сомкнулись.

В машине пахло дорогой кожей и чистотой. Тихон прильнул к окну, во все глаза

рассматривая огромный салон. — М-мама, мы в т-танке?
— Прошептал он. —

Почти, сынок. Мы в крепости.

Весь путь до «Грин-Вуда» я молчала, глядя на то, как серые улицы сменяются

загородным шоссе. Я чувствовала, как внутри перегорают последние

предохранители, связывающие меня со Степаном. Его лицо, его голос, его

«старые кроссовки» — всё это отдалялось, превращаясь в мелкий мусор на обочине

моей новой жизни.

Особняк Воронцова в сумерках выглядел еще более неприступным. Огни в панорамных

окнах горели холодным, ровным светом. Андрей выгру-

зил вещи и провел нас не в

главный вход, а в боковое крыло.

— Это западное крыло, Наталья Сергеевна. Здесь находятся жилые комнаты для

персонала с проживанием. Роман Викторович распорядился подготовить всё

необходимое.

Мы вошли внутрь. Две просторные комнаты, небольшая кухня-гостиная. Всё выполнено

в том же строгом минимализме: серые, белые, древесные тона. Высокие потолки,

огромные окна. Здесь не было маминых фиалок на подоконниках или моих любимых

занавесок в цветочек, но здесь дышалось. Глубоко и свободно.

На столе в гостиной стояла корзина с фруктами и конверт. Я открыла его. Внутри

была банковская карта без имени и короткая записка, написанная размашистым,

жестким почерком: «Аванс за первый месяц. Пин-код — текущий год. Завтра

в 8:00 жду в игровой. Р.В.»

Я прикоснулась к пластику карты. Это была свобода. Осязаемая, прямоугольная, со

вкусом победы.

— Мама, см-мотри! — Тихон забежал в свою комнату. — Тут к-кровать как у

к-космонавта!

Я зашла за ним. Кровать была встроена в нишу, с мягким освещением и полками для

книг. Из окна открывался вид на сосновый лес, который сейчас казался черным

океаном под низким небом.

— Тебе нравится? — Т-тут т-тихо, — он прижался к стеклу. — Как в л-лесу.

Тишина. В этом доме она была главным ресурсом. Но я знала, что за этой тишиной

скрывается боль маленькой девочки и лед в сердце её от-

ца.

Я начала разбирать вещи. Мои учебники, логопедические зонды, карточки с буквами

— они заняли свои места на полках из светлого дуба. Я расставила их методично,

как солдат расставляет патроны перед боем.

Ближе к восьми вечера в дверь тихо постучали. Я вздрогнула — старая привычка

ждать беды. Но на пороге стояла женщина в аккуратной форме горничной. —

Наталья Сергеевна? Меня зовут Полина. Я принесла ужин для вас и сына. Роман

Викторович просил узнать, не нужно ли вам чего-то еще? — Спасибо, Полина. У нас всё есть. — Хорошо. Злата сейчас у себя, она обычно не

выходит вечером. Если услышите... странные звуки из игровой, не пугайтесь. Она

иногда так... выражает себя.

— Какие звуки? — Насторожилась я. — Стук. Грохот.

Она сбрасывает вещи с полок.

Мы просто убираем потом. Никто не пытается ей мешать.

Я кивнула, закрывая дверь. Полина ушла, оставив после себя легкий запах лаванды.

Мы поужинали с Тихоном в тишине. Сын быстро уснул, сморенный дорогой и

впечатлениями. А я долго сидела у окна, глядя на темные сосны.

Степан сейчас, наверное, пьет в каком-нибудь баре с Василисой, жалуясь на

«сумасшедшую бывшую». А может, крушит нашу квартиру в бессильной ярости.

Но он больше не мог дотянуться до меня. Между нами были километры дорог,

вооруженная охрана и этот странный человек — Роман Воронцов, который

купил мое время, но, кажется, невольно подарил мне жизнь.

Я подошла к зеркалу в ванной. Умылась холодной водой, смывая остатки усталости.

На меня смотрела женщина, которой больше не нужно было притворяться счастливой.

Вдруг из глубины коридора, из-за стены, раздался глухой, ритмичный стук. Бам.

Бам. Бам. Словно кто-то методично бил кулаком по дереву. Или головой.

Злата.

Я замерла, прислушиваясь. Стук участился, стал более отчаянным. В нем не было

агрессии — в нем была мольба, которую никто в этом огромном, красивом доме не

хотел слышать. Все просто «убирали потом».

Я вышла из своей комнаты. Босиком, стараясь не шуметь. Коридор был залит мягким

ночным светом. Я дошла до двери игровой. Стук прекратился, сменившись тяжелым,

прерывистым дыханием.

Я не стала открывать дверь. Я просто прислонилась к ней лбом. — Ш-ш-ш... — тихо,

почти одними губами, произнесла я ту самую «змеиную» интонацию, которую

использовала днем. — Ш-ш-ш... Спи, маленькая змея. Завтра мы будем учиться

дышать вместе.

За дверью что-то зашуршало. Словно кто-то подошел вплотную и прижался с той

стороны. Мы стояли так минуту, разделенные толстым деревом и пропастью

несказанных слов.

А потом я услышала тихий, едва различимый скрежет. Злата вела пальцем по двери,

повторяя ритм моего «ш-ш-ш».

Я вернулась в свою комнату с колотящимся сердцем. Этот ребенок был не

«монстром». Она была запертой в склепе душой, которая искала выход. И

я поняла, что эта работа — не просто способ заработать денег и сбежать от мужа.

Это мой личный реванш.

Степан называл меня «пресной». Роман называл «отчаянной». Завтра я докажу обоим,

что они даже близко не знают, на что способна женщина, которой больше нечего

терять.

Я легла в кровать, вдыхая запах свежего постельного белья и хвои. Впервые за

десять лет я засыпала в доме, где мне не нужно было ждать чужих шагов, чтобы

понять, в каком настроении сегодня мой господин.

Бал уродов остался позади. Впереди была тишина. И я собиралась сделать её

целительной.

Глава 7

Первый рассвет в доме Воронцова не имел ничего общего с привычным утром в нашей

городской квартире. Там день врывался шумом проспекта, лязгом лифтов и

недовольным ворчанием Степана, которому вечно не хватало десяти минут

до полного пробуждения. Здесь же рассвет был серым, тяжелым и абсолютно немым.

Октябрьское солнце застряло где-то в верхушках вековых сосен, не в силах

пробиться сквозь плотный занавес тумана, осевшего на панорамных окнах.

Я проснулась раньше будильника. Тело еще хранило память о латексных оковах

костюма Тени, но на ощупь простыни были из холодного египетского хлопка —

высокого качества и пугающей белизны.

Тихон спал на соседней кровати, раскинувшись звездой.
В этом огромном

пространстве, лишенном накопленного годами бытового
хлама, мой сын

казался совсем крошечным. Его дыхание выровнялось,
хрипы ушли, сменившись

мирным сопением. Значит, вчерашний переезд, несмотря
на безобразную сцену в

дверях с участием Степана, не стал для него травмой. Де-
ти чувствуют

безопасность кожей.

Я встала, натянула привычный серый кардиган — свою
рабочую броню — и подошла к

окну. За стеклом расстился идеальный мир, где каждая
иглолка на сосне знала

свое место. Роман Воронцов выстроил себе не просто дом,
а изоляционную камеру

от внешнего хаоса. И теперь я была частью этого эксперимента.

На кухне-гостиной нашего крыла уже стоял термос с горячим кофе и пара

ланч-боксов. Сервис в этом доме работал незримо и четко, как часовой

механизм. Я налила себе кофе. Горький, крепкий, именно такой, какой был нужен,

чтобы окончательно вытравить из памяти привкус вчерашнего шампанского.

— М-мама, а где мы? — Тихон заглянул на кухню, щурясь от света. Он всё еще

сжимал своего медведя.

— Мы в гостях, Тиша. Помнишь, я говорила? Здесь живет девочка Злата, которой

очень нужна наша помощь.

— А п-папа придет? — Сын внимательно посмотрел на меня.

Этот вопрос ударил под дых. Я присела перед ним на корточки. — Папа сейчас очень

занят. У него... много работы. А мы пока поживем здесь. Смотри, какой тут лес! Мы

обязательно сходим погулять, как только я закончу дела. Тихон кивнул, но в его глазах я увидела ту самую тень сомнения, которую

невозможно обмануть сказками. Дети — лучшие детекторы лжи, и я, как

логопед, знала это лучше других. Но сейчас правда была слишком тяжелой для

его пяти лет.

Ровно в восемь утра я стояла у дверей игровой. Тихона я оставила в нашей

гостиной с набором новых раскрасок, которые предусмотрительно купила еще

до блокировки карт.

Дверь игровой открылась одновременно с моим замахом для стука. На пороге стоял

Роман Викторович. В утреннем свете он казался еще более монументальным.

Темно-синяя рубашка с закатанными рукавами, жесткий взгляд, в котором не

было и намека на сон.

— Пунктуальность — это хорошо, — коротко бросил он, отступая в сторону. — Злата

внутри. Она завтракала, но к игрушкам не прикоснулась. Андрей отвезет вашего

сына в сад. Соберите его через полчаса.

— Он побудет со мной сегодня, Роман Викторович, — я твердо посмотрела ему в

глаза. — Ему тоже нужна адаптация. К тому же, я хочу попробовать метод

присутствия другого ребенка. Злата лучше реагирует на сверстников, чем на

взрослых.

Воронцов прищурился. Я видела, как в его голове проворачиваются шестеренки. Он

не привык, чтобы его распоряжения корректировали. —

Вы уверены? — Абсолютно.

Если возникнет конфликт — я выведу его. Но пока дайте мне работать так, как я

считаю нужным.

Он молчал несколько секунд, изучая мое лицо, словно искал в нем признаки той

вчерашней женщины из лифта. Не нашел. — Хорошо. Но если он заплачет или

начнет шуметь — эксперимент закончен.

Он вышел, обдав меня запахом холодного можжевельника и уверенности. Я вошла в

игровую.

Злата сидела на том же месте, что и вчера. На ней было светло-серое платье,

волосы заплетены в такую тугую косу, что кожа на висках казалась натянутой.

Перед ней лежали листы бумаги и набор пастели. Она не рисовала. Она просто

смотрела в окно.

Я не стала подходить. Я привела Тихона. — Тиша, познакомься, это Злата. Она пока

не хочет разговаривать, поэтому мы будем просто играть рядом.

Мой сын, в отличие от меня, не чувствовал груза ответственности. Он просто

увидел гору Лего в углу и кучу разноцветных карандашей. — П-привет, — тихо

сказал он девочке. Злата не шелохнулась. Её спина была прямой, как натянутая

струна.

Я села на ковер, на приличном расстоянии от обоих, и достала из сумки свой

рабочий планшет. Сегодня никакой агрессивной терапии. Только наблюдение.

Тихон устроился с конструктором. Через пять минут в комнате воцарилась рабочая

тишина, нарушаемая только тихим щелканьем пластиковых деталей. Я видела, как

Злата едва заметно скосила глаза в сторону Тихона. Её заинтересовал звук. Мой

сын собирал какой-то фантастический корабль, периодически что-то мурлыча себе

под нос.

Я начала рисовать на своем листе. Небрежно, широкими мазками. Это была большая

собака. — Тиша, посмотри, какой у меня пес. Гав-гав.

Сын обернулся, засмеялся: — П-похож на Барона!

Барон был псом моей мамы, старым и бестолковым спаниелем. При упоминании имени

Злата внезапно вздрогнула. Её рука дернулась к мелку, но она тут же замерла.

Я зацепилась за эту реакцию. — Злата, а у тебя была собака?

Тишина. Плотная, почти осязаемая. Девочка снова уставилась в окно. Но я уже

знала — она слышит. Её мутизм не был глухотой, это был глухой забор,

который она выстроила вокруг своей боли.

Через час я объявила перерыв. — Тиша, идем перекусим. Злата, если захочешь — на

столе есть печенье.

Мы вышли в наше крыло. Пока Тихон жевал яблоко, я открыла ноутбук. Первое, что я

увидела — почта, заваленная письмами от юристов Степана. Он не терял времени.

Требование о разделе имущества, угрозы лишить родительских прав на основании

моей «нестабильности».

Я закрыла крышку с таким треском, что Тихон вздрогнул. — Всё хорошо, малыш.

Просто папа... папа очень хочет, чтобы мы вернулись. Но мы не вернемся.

В этот момент в дверь постучали. Это была Полина, горничная. — Наталья

Сергеевна, Роман Викторович просит вас зайти к нему в библиотеку. На

пять минут.

Библиотека Воронцова была храмом печатного слова. Тысячи томов, лестницы на

колесиках, запах старой бумаги и кожи. Роман сидел в углу боком кресле,

просматривая что-то в планшете.

— Как успехи? — спросил он, не поднимая глаз. — Она реагирует на звуки животных

и на других детей. Это хороший знак. Но мне нужно знать больше о её матери.

Полина сказала, Злата начала молчать после аварии. Она была в машине?

Роман замер. Его пальцы судорожно сжали края планшета. Он медленно поднял

голову. В его глазах я увидела такую бездну выжженной боли, что мне

захотелось отступить. — Она видела всё, — голос его был сухим, как треск

ломающейся ветки. — Марина умерла на месте. Злата си-

дела сзади. Ни царапины.

Только... она замолчала раньше, чем приехала скорая.

Я подошла ближе, забыв о субординации. — Она винит себя. Или вас. Или весь мир

за то, что он не остановился. Роман Викторович, мне нужно её доверие. А для

этого мне нужно, чтобы вы перестали смотреть на неё как на сломанную вещь,

которую нужно починить.

Воронцов резко встал. — Я смотрю на неё как на свою дочь! Я нанял вас, чтобы вы

дали результат, а не читали мне лекции по психологии.

— Результат будет тогда, когда в этом доме перестанут ходить на цыпочках, — я не

отступила. — Вы боитесь её молчания. Вы заполнили дом охраной и тишиной,

превратив его в склеп. Злате не нужна тишина. Ей нужно право на крик.

Мы стояли друг напротив друга — два человека, чьи миры

были разрушены изнутри.

Он — потерей, я — предательством. В библиотеке стало так тихо, что слышно

было, как за окном качается сосна.

— У вас есть неделя, — процедил он сквозь зубы. — Неделя, чтобы доказать, что

ваши методы стоят тех денег, которые я вам плачу. Если нет — возвращайтесь к

своему Палачу. Думаю, он заждался своей «запеканки».

Я почувствовала, как лицо вспыхнуло от унижения. Он ударил по самому больному,

использовав информацию из моего прошлого, которую я сама же ему и открыла. —

Мой муж больше никогда не попробует ничего из моих рук, Роман Викторович. А за

неделю я сделаю больше, чем все ваши хваленые профессора.

Я развернулась и вышла, хлопнув дверью библиотеки. Гордость жгла грудь, но это

была правильная, живая злость. Она была лучше, чем то тягучее отчаяние,

которое накрывало меня последние дни.

Вернувшись в игровую, я увидела невероятную картину. Тихон сидел на ковре и

показывал Злате свои карточки с буквами. Он не пытался её учить. Он просто

рассказывал ей сказку: — А эта б-буква «З». Как твоё имя. Она похожа на з-змею.

Ш-ш-ш...

Злата смотрела на карточку. Её пальцы медленно, почти неуверенно, потянулись к

бумаге. Она коснулась буквы «З». Её губы шевельнулись. Звука не было, но она

повторила артикуляцию — «ш-ш-ш».

Я замерла в дверях, боясь спугнуть этот момент. Мой сын сделал за десять минут

то, на что у профессионалов уходят месяцы. Он просто не

знал, что она

«сломанная». Он относился к ней как к равной.

Вечером, когда Тихон уснул, я сидела на кухне нашего крыла, составляя план на

завтра. В дверь тихо постучали.

Я открыла. На пороге стоял Роман. В руках у него была небольшая коробочка. — Это...

— он замялся, что выглядело совершенно неестественно для такого человека. —

Это старый альбом Марины. С фотографиями Барона. То-го самого пса, о котором

вы говорили.

Он протянул мне коробку. Его пальцы на мгновение коснулись моих, и я

почувствовала, какой он горячий — словно его изнутри сжигал

постоянный ток. — Простите за «запеканку», Наталья. Я... иногда я говорю

вещи, о которых не стоит.

— Извинения приняты, Роман Викторович.

Он кивнул и быстро ушел, скрывшись в темноте коридора. Я открыла коробку. Там

были фото — счастливая женщина с золотистым ретривером, смеющаяся девочка,

солнце, море. Жизнь, которой больше нет.

Я поняла, что в этом доме я лечу не только Злату. И не только себя. Степан

думал, что лишил меня всего. Но он подарил мне шанс увидеть, что за

пределами его фальшивого «бала» существуют настоящие чувства, настоящая

боль и настоящая надежда.

Я закрыла альбом. За окном шумели сосны. Завтра Злата увидит Барона. И,

возможно, завтра она решится на свой первый настоящий звук.

Бал уродов остался далеко в городе. Здесь начиналась жизнь, в которой маски были

не нужны. Даже если они были зеркальными.

Глава 8

Октябрьская изморось выбелила хвою сосен, превращая сад за панорамным окном в

застывшую декорацию к фильму о вечном одиночестве. Я сидела на широком

подоконнике в своей новой комнате, прижимая к себе коробку с

фотографиями, которую Роман Викторович оставил мне накануне. Кофе в

чашке давно остыл, покрывшись тонкой пленкой, но я не замечала этого,

вглядываясь в глянцевые прямоугольники чужого прошлого.

Марина. Она была светлой. Не только из-за волос, отличавших на солнце жидким

золотом, но и из-за того, как она улыбалась — открыто, немного бесшабашно,

словно точно знала: завтрашний день принесет только хорошее. На снимках она

обнимала золотистого ретривера, того самого Барона, и в её глазах не было ни

капли того льда, которым теперь был пропитан каждый кирпич этого особняка.

Я провела пальцем по контуру её лица на фото. Каково это — быть так сильно

любимой, что после твоего ухода мир вокруг замерзает? Мой собственный

десятилетний брак оставил после себя лишь горечь и ворох неоплаченных

счетов, а здесь... здесь была трагедия, соизмеримая с крушением вселенной.

Телефон на коленях завибрировал, вырывая меня из раздумий. Экран высветил номер,

который я еще не успела заблокировать — городской номер юридической конторы.

— Наталья Сергеевна? — Голос на том конце был сухим и скрипучим, как несмазанные

петли. — Вас беспокоит адвокат вашего супруга, Геннадий Маркович. Степан

Андреевич настаивает на досудебном урегулировании вопроса об опеке над

Тихоном. Мы подготовили иск. Ваше нынешнее... э-э... сожительство с господином

Воронцовым может быть истолковано судом не в вашу пользу.

Я почувствовала, как внутри закипает ледяная ярость. Степан. Он не просто хотел

меня уничтожить — он методично выжигал всё пространство вокруг, куда бы я ни

попыталась ступить.

— Сожительство? — Мой голос прозвучал неожиданно твердо, без тени той дрожи,

которую они, вероятно, ожидали услышать. — Я работаю здесь официально, по

трудовому договору. И если Степан Андреевич думает,

что угрозами сможет

вернуть меня в стойло, передайте ему: я скорее научу камни разговаривать,

чем позволю ему еще раз коснуться моей жизни.

Я сбросила вызов и несколько секунд просто смотрела на свои дрожащие пальцы. Он

бил по самому больному — по Тихону. По моей репутации. По моему единственному

шансу выплыть. Но именно этот страх стал моим топливом.

— Мам, ты ч-чего? — Тихон заглянул в комнату, натягивая на ходу любимую

толстовку. — П-пора к Злате?

— Пора, малыш. Идем.

В игровой сегодня было по-особенному тихо. Злата сидела за столом, методично

сортируя цветные карандаши по оттенкам. Это было её убежище — порядок,

который никто не смел нарушать. Я подошла и молча по-

ложила перед ней

альбом Марины.

Девочка замерла. Её тонкие пальцы зависли над коробкой карандашей. Она не

смотрела на меня, но я видела, как часто забилась жилка у неё на шее.

— Смотри, Злата, — я начала перелистывать страницы, стараясь говорить ровно и

спокойно. — Это Барон. Тихон вчера сказал, что он похож на облако. Большое,

рыжее и очень доброе облако.

Тихон устроился рядом на ковре, раскрывая свою книжку про собак. — Г-гляди,

Злата! У него тут уши как л-лопухи. Он умеет делать «гав»?

Злата медленно, словно преодолевая сопротивление невидимой стены, перевела

взгляд на фотографию. На ней маленькая Злата, года в четыре, пыталась

оседлать ретривера, а Марина, смеясь, придерживала её за плечи.

В комнате словно похолодало. Я видела, как в глазах ребенка поднимается буря.

Она не плакала. Она просто смотрела на мать, которая была воплощением жизни и

тепла. Её маленькая рука потянулась к снимку, коснулась лица Марины.

В этот момент дверь игровой распахнулась. На пороге стоял Роман Викторович. Его

лицо было бледнее обычного, а челюсти сжаты так, что на скулах ходили желваки.

— Что здесь происходит? — Его голос прозвучал как удар хлыста.

Злата тут же отпрянула от альбома, её лицо снова превратилось в непроницаемую

маску. Она забилась в угол дивана, обхватив колени руками.

— Я попросила Злату посмотреть фотографии, — я встала, заслоняя собой детей. —

Нам нужно было...

— Вам нужно было следовать моим инструкциям! Я принес Вам альбом не для того, чтобы Вы бередили раны моей дочери — Роман шагнул в комнату, и я

почувствовала, как от него исходит волна почти осязаемого гнева. — Я не

давал разрешения на этот... психологический стриптиз! Вы не имеете права лезть

в то, что вас не касается!

— Это касается моей работы! — Я не отступила, хотя внутри всё сжималось от его

напора. — Злата не заговорит, пока эта боль заперта внутри неё под пудовым

замком вашей тишины. Вы прячете фотографии, вы прячете воспоминания, вы

прячете саму жизнь этой девочки! Вы думаете, что защищаете её, но вы просто

строите для неё склеп!

— Довольно! — Он ударил ладонью по косяку двери. — Пошла вон. Забирай своего

сына и убирайся. Андрей отвезет вас в город.

Тихон испуганно прижался к моей ноге. Злата в углу дивана начала раскачиваться

из стороны в сторону — дурной признак, предвестник срыва.

Я посмотрела на Романа. В его глазах была не просто злость. Там был первобытный

страх. Он боялся этих фотографий больше, чем любого банкротства. Он боялся

снова почувствовать ту невыносимую нежность, которая уничтожит его нынешний

гранитный покой.

— Хорошо, — тихо сказала я. — Я уйду. Но знайте, Роман Викторович: вы можете

выгнать меня, но вы не сможете выгнать правду. Злата только что коснулась

лица матери. Она почти... почти выдохнула её имя. Вы сами только что разрушили

то, что строилось по крупицам.

Я взяла Тихона за руку и направилась к выходу. Мои вещи были собраны наполовину

— я ведь так и не успела до конца распаковать тот зло-счастный чемодан.

В западном крыле я начала лихорадочно скидывать вещи в сумку. Руки дрожали.

Степан победил. Он предсказал это: меня вышвырнут, я останусь на улице, я

приползу к нему.

— М-мама, мы с-снова к ба-бабушке? — Тихон стоял в дверях, его лицо было серым

от усталости и страха.

— Нет, Тиша. Мы найдем место. Мы...

Дверь в нашу гостиную распахнулась без стука. Я ожидала увидеть Андрея,

пришедшего за вещами, но на пороге стоял Роман. Он выглядел так, словно

только что пробежал марафон. Рубашка расстегнута на две пуговицы, волосы в

беспорядке.

— Остановитесь, — сказал он. Это не был приказ. Скорее — просьба человека,

который привык только приказывать и теперь мучительно подбирал новые

интонации.

Я не обернулась, продолжая запихивать свитер в чемодан.
— Зачем? Чтобы вы еще

раз напомнили мне о моем месте? Или чтобы я посмотрела, как вы окончательно

ломаете дочь?

Роман подошел ближе. Я почувствовала его присутствие спиной — тяжелое, горячее,

заполняющее всё пространство. — Она... она не дает убрать альбом.

Я замерла, медленно поворачиваясь к нему. — Что?

— После того, как вы вышли... я попытался забрать коробку. Злата вцепилась в неё.

Она не кричала, не топала ногами. Она просто посмотрела

на меня так... как Марина

смотрела в ту последнюю ночь. И она прижала альбом к груди.

Роман опустил голову, закрыв глаза ладонью. В этот момент он не был «Синей

Бородой» или всемогущим логистом. Он был мужчиной, который внезапно

осознал, что его броня из льда начала таять, причиняя невыносимую боль.

— Я не знаю, что с этим делать, Наталья. Я... я разучился чувствовать что-то,

кроме ответственности и гнева. Гнев проще. Он не требует души.

Я медленно подошла к нему. Мне хотелось коснуться его плеча, просто чтобы

поддержать, но я вовремя одернула руку. Субординация была моей

единственной защитой.

— Вам не нужно ничего делать, Роман Викторович. Просто не мешайте ей. И мне.

Злата начала горевать. Это больно, это страшно, но это единственный путь к

выздоровлению. Позвольте ей плакать. Позвольте ей поминуть.

Он поднял на меня взгляд. В глубине его темных глаз я увидела странный блеск. —

Вы очень... упрямая женщина, Наталья Сергеевна.
— У меня был хороший учитель, — я горько усмехнулась.
— Десять лет я училась

упрямству у человека, который пытался сделать меня своей тенью. Теперь я

учусь использовать это качество во благо.

Роман молчал долго. Тишина в комнате перестала быть враждебной. Она стала

выжидающей. — Распаковывайте вещи, — наконец произнес он. — И... завтра в

восемь. Как обычно.

Он развернулся и вышел, оставив меня одну в полупустой гостиной. Я обессиленно

опустилась на диван.

Степан прислал сообщение. Короткое, как выстрел в затылок: «Надеюсь, тебе

нравится роль прислуги. Завтра мой адвокат подает ходатайство о временном

ограничении твоих прав. Увидимся в аду, птичка».

Я посмотрела на экран телефона и внезапно поняла одну вещь. Степан думал, что он

— мой ад. Но он ошибался. Мой ад закончился на том самом «Балу уродов», когда я

сорвала зеркальную маску. А здесь... здесь была чистилище. Трудное, болезненное,

но ведущее вверх.

Я удалила сообщение, не отвечая. Достала из чемодана свой серый кардиган и

аккуратно повесила его на спинку стула.

Завтра Злата снова посмотрит на Барона. А я снова посмотрю в глаза человеку,

который боится собственных чувств больше, чем смерти.

В этом доме не любили шум. Но сегодня ночью я слышала, как за стеной, в комнате

Романа, с тяжелым стуком упала на пол какая-то книга. Или, может быть, это

просто рухнул еще один слой льда, который он так старательно наращивал два

года.

Бал уродов продолжал свое кружение в моей памяти, но здесь, среди сосен и

тишины, я впервые почувствовала, что Тень обретает плоть и кровь. И эта

плоть больше не принадлежала Степану.

Я легла в кровать, обнимая пришедшего ко мне Тихона. Октябрь за окном дышал

холодом, но в этом доме — впервые — стало на один градус теплее. И этот

градус принесла я.

Завтра будет новый день. День, в котором Злата, возмож-

но, решится на свой первый

вдох без боли. А я — на свою первую улыбку без страха.

Глава 9

Список входящих в моей почте напоминал сводку с фронта, где моя армия потерпела

сокрушительное поражение. Я сидела на подоконнике в западном крыле, глядя, как

одно за другим всплывают уведомления. Те самые десять откликов, которые я

отправляла из маминой квартиры, надеясь на чудо, наконец-то вернулись ко

мне.

«К сожалению, мы выбрали другого кандидата...» «Ваш перерыв в стаже является

критическим...» «Нам поступила информация, ставящая под сомнение вашу

профессиональную этику...»

Последняя фраза была в трех письмах из пяти. Я закрыла крышку ноутбука с тихим

щелчком, который в тишине особняка прозвучал как выстрел. Степан не просто

заблокировал мои карты. Он заблокировал мою жизнь. Мой муж — мой бывший муж,

— используя связи своего агентства, методично обзванивал ключевых людей в нашей

сфере, превращая мой красный диплом в бесполезную бумажку.

Я была для города «нестабильной женщиной в латексе», которая устроила скандал на

корпоративе. Он профессионально упаковал моё отчаяние в обертку «психического

срыва».

— Тварь, — выдохнула я в стекло, на котором застыли капли дождя.

Теперь я понимала, почему Роман Викторович вчера так легко согласился на аванс.

Он знал. Его служба безопасности наверняка проверила меня до седьмого колена и

видела, что я прижата к стенке. В этом доме не было случайных людей. Здесь были

либо те, кому некуда идти, либо те, кто готов служить верой и правдой за защиту.

В дверь постучали. Андрей, начальник охраны, вошел, не дожидаясь приглашения. В

его руках был плотный конверт. — Наталья Сергеевна. Это доставил курьер пять

минут назад. Лично в руки.

Я вскрыла конверт, уже зная, что там увижу. Бумага пахла дорогой канцелярией и

казенным холодом. «Исковое заявление об ограничении родительских прав...

ходатайство о назначении комплексной психолого-психиатрической

экспертизы...»

Степан решил дойти до конца. Он не хотел вернуть меня — он хотел меня

уничтожить, чтобы я не мешала его новой, блестящей

жизни с Василисой.

Тихон для него был лишь рычагом давления, инструментом, которым он планировал

выбить из-под меня последнюю опору.

— Наталья Сергеевна? — Андрей всё еще стоял в дверях.
— Роман Викторович просит

вас зайти в библиотеку. Сейчас.

Я кивнула, на ходу пряча иск в карман кардигана. Ноги казались ватными, но спину

я держала прямой.

Роман сидел за своим массивным столом, окруженный мониторами. На одном из них я

мельком увидела план особняка, на другом — какие-то котировки. Он выглядел как

полководец в разгар битвы.

— Вы получили письмо, — это был не вопрос. Он не смотрел на меня, его взгляд был

прикован к экрану. — Ваш Степан Андреевич — человек недалекий, но очень

исполнительный в своей злобе. Он нанял Геннадия Марковича. Это адвокат,

который специализируется на том, чтобы превращать матерей в тени.

— Откуда вы знаете? — я остановилась посреди кабинета.

— В этом городе ничего не происходит без моего ведома, Наталья. Особенно если

это касается людей, живущих под моей крышей.

Он наконец поднял голову. В его глазах не было жалости — только холодный,

расчетливый интерес. — У Степана есть шанс. Если вы будете защищаться

сами, используя мамины советы и бесплатного юриста, он заберет Тихона через

три месяца. Суд поверит ему, потому что у него есть статус, работа и

«стабильная» Василиса рядом. А у вас — только скандал в латексе.

Я сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. — И что

вы предлагаете? Пожалеть

меня?

— Я никогда никого не жалею, Наталья. Это бесполезное чувство. Я предлагаю

сделку. Моя юридическая служба займется вашим делом. Маркович — сильный

игрок, но мои ребята едят таких на завтрак. Мы найдем у вашего мужа такие

скелеты в шкафу, что он сам откажется от иска, лишь бы не попасть под

следствие за свои «откаты» в агентстве.

Я затаила дыхание. — Цена?

— Злата. — Роман встал и подошел к окну. — Вчера она коснулась альбома. Сегодня

она позволила вашему сыну сидеть рядом. Вы — первая, кто пробил эту стену. Я

хочу, чтобы через месяц она произнесла хотя бы одно слово. Если это

произойдет — ваш муж исчезнет из вашей жизни навсегда. Я об этом

позабочусь.

Я смотрела на его широкую спину. Роман Воронцов предлагал мне не просто помощь.

Он предлагал мне стать частью его силы. — Почему вы помогаете мне?

Он обернулся. Его лицо в сумерках кабинета казалось высеченным из камня. —

Потому что я ненавижу уродов, Наталья. Особенно тех, кто носит маски

порядочных людей, уничтожая своих близких. И потому что Злата вчера

улыбнулась. Впервые за два года. Это стоит любого адвоката.

— Я согласна, — сказала я. Голос мой больше не дрожал. — Но мне нужно, чтобы

Андрей завтра съездил по моему старому адресу. Там остался плюшевый пес

моего сына. Степан грозитя его выбросить.

Роман едва заметно усмехнулся. — Андрей заберет пса.
И всё остальное, что вы

посчитаете нужным. Идите к детям, Наталья Сергеевна. У нас много работы.

Я вышла из кабинета. В коридоре было тихо, но эта тишина больше не пугала меня.

Она была моей защитой.

Я зашла в игровую. Тихон и Злата сидели на ковре, голова к голове. Злата

осторожно, кончиками пальцев, трогала карточку с буквой «Б», которую

Тихон положил перед ней.

Я села рядом и достала телефон. Нашла номер Степана, который до этого был в

черном списке. Разблокировала на секунду и отправила одно сообщение:

«Наточи свой топор поострее, Степа. На этом балу ты будешь не палачом. Ты будешь

тем, кто сам попал на плаху. Мои интересы представляет

юридическая служба

Воронцова. Увидимся в аду».

Я снова заблокировала его, чувствуя, как внутри разливается холодная, чистая

уверенность.

Степан думал, что выжег землю за моей спиной. Он просто не знал, что на пепелище

всегда растут самые крепкие деревья.

— Б-барон... — тихо прошептал Тихон, показывая Злате на фото.

Злата кивнула. И мне показалось, что она едва слышно выдохнула тот же звук.

Бал уродов продолжался, но теперь я была не Тенью. Я была в крепости. И у моей

крепости были очень крепкие стены.

Глава 10

Просыпаться в доме Романа Воронцова было всё равно что приходить в сознание

внутри огромного, безупречно чистого холодильника. Свет здесь был холодным,

углы — острыми, а тишина казалась такой плотной, что её, казалось, можно было

резать ножом для масла.

Я лежала на спине, глядя в высокий потолок гостевого крыла. После маминой тесной

хрущевки, где каждый скрип половицы был родным и предсказуемым, это пространство

пугало. Здесь не пахло вчерашним ужином или старыми книгами. Здесь пахло озоном,

дорогим моющим средством и чем-то неуловимым — так пахнет власть, которой не

нужно ничего доказывать.

Тихон на соседней кровати заворочался. Его маленькая ладошка привычно нырнула

под подушку в поисках Джека — старого плюшевого пса, которого мы в спешке

забыли в нашей квартире. Вместо Джека пальцы сына наткнулись на холодный

край нового планшета, который лежал на тумбочке.
— М-мама... — прошептал он, не открывая глаз. — А где Д-джек?

Сердце предательски кольнуло. Джек остался там. В «музее» Степана. Лежит теперь

на безупречно застеленном покрывале как трофеем моего поражения. Или как

заложник.

— Джек поехал в отпуск, малыш. Помнишь, мы решили, что ему нужно отдохнуть? А

здесь нас ждет... — я запнулась, вспоминая вчерашний альбом, — нас ждет Барон.

Он на фотографиях, но он очень хочет, чтобы ты о нем

узнал.

Я встала и подошла к зеркалу. Наталья Сергеевна, тридцать два года. Логопед без

работы, жена без мужа, мать с неопределенным будущим. На тумбочке лежал «Устав

дома» — тонкая папка, которую Андрей оставил вчера вечером.

«Пункт 4. Соблюдать режим тишины с 21:00 до 08:00». «Пункт 7. Вход в хозяйское

крыло и рабочий кабинет Романа Викторовича строго по приглашению». «Пункт 12.

Персонал обязан придерживаться установленного меню». Я закрыла папку. «Персонал». Слово хлестнуло по лицу, отрезвляя лучше ледяного

душа. Степан называл меня «птичкой» и «наседкой», а здесь я была просто

функцией. И, честно говоря, это было даже легче. Функцию нельзя предать.

Её можно только заменить.

Оставив Тихона рисовать в комнате, я рискнула выйти в общую кухонную зону.

Огромное пространство из нержавеющей стали и матового черного камня

выглядело как операционная. Никаких крошек на столе, никаких грязных

кружек.

Я нашла в одном из шкафов муку и яйца. Мне жизненно необходимо было сделать

что-то привычное. Что-то, что пахнет домом, а не стерильностью.

— Что вы здесь делаете? — Голос прозвучал как выстрел в спину.

Я обернулась. У входа стояла женщина в строгом черном платье с белоснежным

воротничком. Седые волосы были уложены в такую безупречную ракушку, что

казались вырезанными из камня. Агния. Экономка.

— Готовлю завтрак для сына, — спокойно ответила я, разбивая яйцо о край миски.

— Меню для персонала и гостей утверждено Романом Викторовичем, — Агния подошла

ближе, и я почувствовала от неё запах лаванды и старой школы. — Полина

приносит ланч-боксы в ваше крыло в восемь пятнадцать. Самостоятельное

использование кухни не предусмотрено правилами.

Я медленно отложила венчик. — Мой сын привык к горячим блинам, Агния. И я не

думаю, что Роман Викторович обеднеет от двух ложек муки. К тому же, я — не

просто «персонал». Я человек, от которого зависит, заговорит ли его дочь.

Экономка прищурилась. В её глазах промелькнуло что-то похожее на презрение.

— Здесь было много таких... незаменимых. И все они думали, что через детскую

комнату проложат путь в спальню хозяина. Вы — шестая за этот год.

Предыдущие пять тоже начинали с «домашнего уюта».

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Шестая. Степан был прав — я

попала в место, где женщины долго не задерживаются.

— Меня не интересует спальня вашего хозяина, Агния. Меня интересует речевой

аппарат Златы. А сейчас, если вы позволите, я дожарю блины. Запах еды в

доме — это признак жизни, а не нарушение дисциплины.

Экономка не ответила. Она просто стояла и смотрела, как я переворачиваю первый

блин. В её молчании было обещание войны. Тихой, подковой, изматывающей.

Когда я вернулась в свое крыло, Андрей уже ждал у дверей. В руках он держал

стопку конвертов. — Это вам, Наталья Сергеевна. Курьер доставил утром.

Среди счетов и рекламных листовок лежал плотный конверт из крафтовой бумаги. Мое

имя было написано почерком, который я узнала бы из миллиона. Размашистые,

уверенные буквы Степана.

Я открыла его прямо в коридоре. Внутри было фото. Наша старая спальня. На моей

подушке лежал Джек — тот самый плюшевый пес Тихона. К нему была приколота

записка: «Он скучает. И я скучаю. Стены помнят твой запах, Нат. Я не

сержусь на твой срыв. Это было эффектно, признаю. Возвращайся

домой. Я дам тебе время прийти в себя. Квартира кажется мертвой без вас».

Меня едва не вырвало. «Я не сержусь». Палач готов помиловать жертву за то, что

она посмела закричать. Это было так в стиле Степана — перевернуть всё с ног на

голову, сделав виноватой меня.

Я разорвала фото и записку на мелкие части. Но пальцы

всё равно дрожали. Он

знал, на что давить. Он знал, что Джек — это не просто игрушка. Это часть

мира Тихона, которую он теперь удерживал в заложниках.
— Вы в порядке? — Андрей внимательно посмотрел на мои руки.

— Да. Просто... мусор в почтовом ящике.

В игровой сегодня было светлее. Злата сидела у окна, и на этот раз на её коленях

лежал тот самый альбом с фотографиями Барона. Она не открывала его, просто

гладила обложку.

— Привет, Злата, — я села рядом, не нарушая её личного пространства. — Сегодня

мы будем рисовать. Помнишь, я рассказывала про Джека? Он был маленьким и

шумным. А Барон... Барон был большим и мудрым.

Я достала лист бумаги и начала рисовать контур собаки.
— Давай так: я рисую

голову, а ты — хвост. Барон ведь любил вилять хвостом, когда видел тебя?

Злата посмотрела на карандаш в моей руке. Её взгляд переместился на фото Барона

в альбоме. Впервые я увидела в её глазах не просто горе, а узнавание. Она

медленно потянулась к карандашнице, выбрала рыжий мелок и... сделала одну

неуверенную линию на бумаге. Короткий штрих.

Я затаила дыхание. Это было больше, чем рисунок. Это был ответ.

— Отлично, — тихо сказала я. — Посмотри, какой пушистый хвост. Почти как

настоящий.

В дверях мелькнула тень. Роман Викторович стоял в проеме, наблюдая за нами.

Сегодня он был без пиджака, в простой белой рубашке с закатанными рукавами.

Он смотрел на рисунок дочери с таким выражением лица, словно Злата только что

построила космический корабль.

— Барон любил этот мелок, — вдруг произнес он. Его голос в тишине игровой

прозвучал непривычно мягко. — Он всегда пытался сгрызть карандаши, когда

Марина рисовала в саду.

Злата вздрогнула при упоминании матери, но не отпрянула. Она подняла глаза на

отца — долго, серьезно. Между ними протянулась невидимая нить, тонкая, как

паутинка, но живая.

Роман подошел ближе, опустился на одно колено рядом с нами. От него пахло

морозным лесом и чем-то очень надежным. — Наталья Сергеевна, к воротам

приехала машина. Белый «Мерседес».

Степан.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Он не выдержал. Он приехал за своим

«имуществом».

— Я не выйду к нему, — мой голос прозвучал жестко.

— И не нужно, — Роман встал, и его лицо мгновенно превратилось в каменную маску.

— Мои люди его не впустят. Но он стоит там уже двадцать минут, блокируя проезд.

Он требует встречи с сыном.

Я посмотрела на Тихона, который увлеченно катал машинку по ковру. Он ничего не

слышал. — Я не позволю ему устроить здесь шоу.

— Шоу здесь устраиваю я, — отрезал Роман. — Андрей, проводите Наталью Сергеевну

в кабинет охраны. Я хочу, чтобы вы видели, как решаются такие вопросы в этом

доме.

Мы прошли в мониторинговую. На десяти экранах особняк Воронцова выглядел как

неприступная крепость. На одном из мониторов я увидела машину Степана.

Он стоял у ворот, нервно расхаживая взад-вперед. Его лицо на камере выглядело

искаженным, злым. Он что-то кричал в переговорное устройство.

— Он думает, что это его территория, — негромко сказал Роман, стоя за моей

спиной. — Он думает, что если он назовет ваше имя, ворота откроются.

— Он привык, что все ворота открываются, если на них надавить, — ответила я.

Я видела, как к машине Степана подошли двое охранников. Никаких криков, никаких

жестов. Просто два бетонных столба в черной форме. Степан попытался толкнуть

одного из них, но тот даже не пошевелился. Через минуту Степан сел в машину и

с визгом шин развернулся.

Но он не уехал. Он просто отъехал на пятьдесят метров и встал на обочине, светя

фарами прямо в сторону ворот. Психологическая осада.
— Он будет приходить каждую ночь? — спросила я, глядя на эти два ярких глаза фар

в темноте.

— Пока не поймет, что здесь его не боятся, — Роман положил руку на спинку моего

стула. Я чувствовала жар его ладони. — Вы боитесь его, Наталья?

Я посмотрела на экран, где мой бывший муж превратился в маленькое, жалкое пятно

света на обочине чужой, мощной жизни. — Уже нет. Раньше я боялась его гнева. А

теперь... теперь я вижу только его уродство. Оно не смывается шампанским, Роман

Викторович. Оно под кожей.

Роман посмотрел на меня — долго, пронзительно. — В этом доме много правил,

Наталья. Но есть одно негласное. Мы не отдаем своих. Даже если эти «свои»

проработали здесь всего один день.

Он развернулся и вышел, оставив меня одну в полумраке
мониторной. За окном

шумели сосны, а на экране продолжали гореть фары Сте-
пана.

Я поняла, что Бал уродов действительно продолжается.
Только теперь я не была

Тенью, которая прячется по углам. Я была в крепости. И
у этой крепости был

хозяин, который, кажется, начинал ценить запах блинов
на своей стерильной

кухне.

Я вернулась в свое крыло. Тихон уже спал. Я села у окна,
глядя на лес. Степан

думал, что он — мой Палач. Но он забыл, что у каждого
палача есть своя плаха.

И сегодня он сам пришел к её подножию.

Завтра Злата дорисует Барона. А я научусь жить в доме,
где тишина больше не

означает страх.

Глава 11

Дождь за окном сменился колючей крупой. Белые точки бились о стекло игровой

комнаты, мгновенно превращаясь в прозрачные слезы. Внутри было тепло, пахло

свежесваренным чаем и восковыми мелками, но холод особняка всё равно

просачивался сквозь щели, напоминая о том, что мы здесь — временные

жильцы в зоне вечной мерзлоты.

Я сидела на ковре, наблюдая, как Тихон старательно вырисовывает кривое солнце.

Мой сын был удивительно тактичным для своих пяти лет. Он чувствовал, что Злата

— как тонкий лед на луже: одно резкое движение, и всё треснет.

— А Д-джек любил солнце, — вдруг сказал Тихон, не поднимая головы. — Бабушка

говорила, он всегда ложился на т-теплое пятнышко на полу.

Злата, которая до этого момента бездумно крутила в руках оранжевый карандаш,

замерла. Она медленно повернула голову к Тихону. В её глазах, обычно пустых

и холодных, мелькнула искра. Она уже знала, что Джек — это не только плюшевый

пес, оставшийся в «плёну» у папы.

— Джек был настоящим псом, — тихо пояснила я, поглобавшая Злату по плечу. Девочка

не вздрогнула, и это было нашей маленькой победой. — Он жил у моей мамы. Он был

старым, мудрым и очень

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.